

Б И Б Л И О Т Е К А

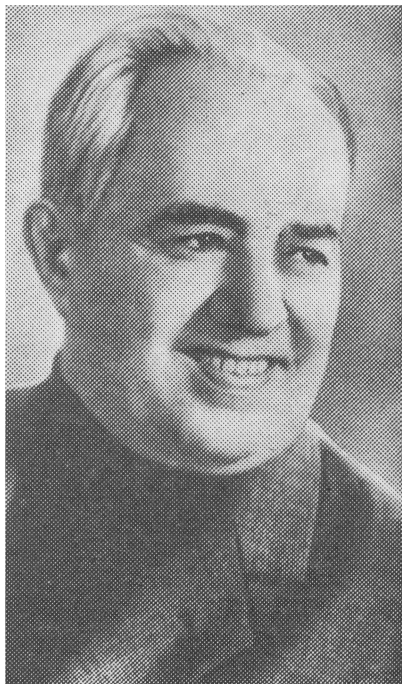
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 45

1985

Владимир БЕЛЯЕВ

ВИШНЕВАЯ АЛЛЕЯ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Владимир БЕЛЯЕВ

ВИШНЕВАЯ АЛЛЕЯ

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1985

Владимир БЕЛЯЕВ

Владимир Павлович Беляев родился в 1907 году. С 1926 года работал литейщиком в Бердянске и Ленинграде; редактировал заводские газеты. В 1936 году опубликовал повесть «Подростки». Его широко известная трилогия «Старая крепость» (1937—1951) повествует о приключениях ребят пограничного городка в годы гражданской войны и о деятельности первых комсомольцев.

Перу писателя принадлежат острые политические памфлеты, направленные против украинских националистов и католической церкви.

Владимир Беляев — лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии УССР им. Шевченко.

Предлагаем вниманию читателей очерки В. Беляева «Вишневая аллея» и «Зарево над Перемышлем». Они посвящены героизму советских пограничников в годы Великой Отечественной войны.

ВИШНЕВАЯ АЛЛЕЯ

Около полуночи 20 июня 1941 года пограничники Давыдов и Зикин, проходя вдоль Западного Буга, услышали на другом берегу гул моторов. Осторожно пробираясь сквозь кусты, они сперва не обратили особого внимания на этот шум. Когда же гул усилился, они замедлили движение.

За Бугом ревели танки. Тяжелый, надрывный гул заглушал пение соловьев над Черным лесом. Видимо, съезжая с платформы и разворачиваясь около железнодорожного полотна, танки скрежетали гусеницами. Их моторы ворчали при переключении скоростей. То и дело фары танков бросали тоненькие лучики света в нашу сторону.

— Опять маневры? — спросил у Давыдова Зикин. — Не дает им Гитлер покоя даже ночью.

Был он простодушен и доверчив, этот рядовой боец заставы в Скоморохах. Товарищи по службе подтрунивали над Зикиным, называя его по-местному «господарем». Не раз весною после нарядов Зикин с разрешения начальника заставы уходил в Скоморохи и помогал по хозяйству одному из местных хлеборобов. Он уезжал с ним в поле и там, сняв гимнастерку и разувшись, шел за плугом, уминая босыми ногами влажную, крепко пахнущую весеннюю землю. Пограничники посмеивались, что все это делается неспроста. «Дело вовсе не в том, что Зикин истосковался по работе на земле, а все виною, — говорили они, — красивая дочка господаря». Не раз на заставе поговаривали, что осенью, после демобилизации, Зикин женится на ней и останется «господарювать» в Скоморохах.

Давыдов ничего не ответил на шепот Зикина. Прислушиваясь к шумам, долетающим из-за рубежа, он решил немедленно после возвращения из наряда доложить о них начальнику заставы лейтенанту Алексею Лопатину, хотя и подумалось, что ничего особенно нового и сверхъестественного в этих шумах не было.

Ночью 20 июня 1941 года рев танковых моторов в Забужье был особенно сильным. Но ни старший наряда Давыдов, ни его напарник Зикин, ни даже начальник пограничной заставы в Скоморохах Алексей Лопатин не могли понять причину такой активности на сопредельной стороне.

А к сосредоточенным вдоль границы фашистским войскам подходили новые дивизии. Двигались они скрытно, с наступлением рассвета прятались в селах, старались производить как можно меньше шума, но от местного населения, жившего поблизости от Буга, Солокии и Сана, не укрылось, что артиллерийские орудия, которые выкапывались на позиции и приводились в боевое положение якобы в порядке «учебных маневров», почему-то все были обращены в сторону Советского Союза.

В этот субботний день, 21 июня после обеда на Карбовском лугу заместитель политрука ленинградец Ефим Галченков принимал от бойцов последние оставшиеся нормы на значок ГТО по бегу и метанию гранат.

Под вечер на 13-ю заставу из Владимир-Волынского вернулась с учебного сбора группа пограничников.

Приехавшие занимали свои койки, укладывали около них вещевые мешки, ставили в пирамиду новенькие автоматы, только что полученные ими в отряде. И, как всегда по субботам, люди, возвращающиеся из нарядов, получали у старшины чистое белье, мыло и торопились в баню.

Когда совсем стемнело, часть пограничников, получив боевые задачи, отправилась на границу. В 23 часа по направлению к Бугу пошел и начальник заставы Алексей Лопатин вместе с заместителем политрука Ефимом Галченковым проверить службу нарядов.

Узкая тропинка завела их в кусты. Лопатин глянул на светящийся циферблат наручных часов, сказал тихо Галченкову:

— Сейчас будет возвращаться на заставу наряд Пескова.

Они услышали шаги. На фоне неба вырисовывались очертания двух бойцов. Первый из них остановился как вкопанный, вскинул автомат:

— Стой! Кто идет?

Лейтенант Лопатин ответил, а Галченков, когда наряд подошел вплотную, сказал весело шепотом:

— Таки учуял, Песков. Ну и нюх у тебя!

Обе пары пограничников разошлись, и снова стало тихо на дозорной тропе, только монотонно пели свою ночную песню неутомные кузнечики.

Евдокия Гласова, жена политрука в этот день запоздала в баню. Ей удалось помыться лишь после полуночи. Обязав вафельным полотенцем мокрые волосы, она побежала по росистой траве к дому.

От Буга тянуло прохладой. В кустах ивняка над самой рекой, где залегли сейчас пограничные наряды, щелкали на разные голоса соловьи. Из села Скоморохи доносились звуки мандолины. Потом вступила гитара. «Должно быть, у Пеньковского», — подумала Гласова. Она знала, что к нему часто заходят пограничники поиграть на гитаре и мандолине и что тот не только радушно принимает гостей, но и сам учится от них новым советским песням.

Кое-где в Скоморохах и в соседнем селе Ильковичи в хатах еще светились огоньки. Сегодня весь день колхозники этих сел возили из леса бревна для новых построек, которые предстояло возвести на бывших землях графа Дзедушицкого, переданных крестьянам Советской властью. В сумерках вернувшиеся в свои села, они сейчас готовились ко сну.

А в это время фашистским войскам был зачитан приказ Гитлера о том, что германская армия в 3.00 по летнему европейскому времени 22 июня должна перейти границу СССР и нанести удар по Красной Армии.

То, чего нельзя было увидеть сквозь темень июньской ночи, сердцем чувствовал боец 13-й заставы Николай Сорокин, бывший слесарь ткацкой фабрики «Красный Профинтерн», сын рабочего из Вичуги.

Уходя по ночам в наряд, Сорокин тоже слышал и ворчание немецких танков, и отдаленную канонаду тяжелых орудий, и, наконец, участвовавший стук топоров в Черном лесу, где немецкие саперы готовили паромы для переправы через Буг.

В памяти Сорокина запечатлелся густой хвостатый след, оставленный высоко-высоко в чистом небе самолетом «фокке-вульф». На глазах у всех немецкий разведчик пролетел в пятницу над советской границей, временами удаляясь к Тартакову и к Каменке-Струмиловой и, должно быть, фотографируя все то, что его интересовало. Следя за полетом «фоки», Николай Сорокин сказал своему товарищу по заставе Никитину:

— Ну, быть войне!..

Сейчас, когда Евдокия Гласова вошла в помещение заставы, Николай Сорокин, вешая на грудь новенький автомат, сказал:

— С легким паром!

Собираясь в наряд, он снял с пирамиды ракетницу, протер ствол ветошью.

Гласова хорошо запомнила, что, перед тем как перешагнуть порог и исчезнуть во тьме, Сорокин сказал ее мужу:

— Что-то тревожно мне сегодня. Так сердце и ноет, почему-то мутрно на душе.

И что было особенно странно, Сорокин при этом улыбнулся. Его большое смуглое лицо с раскрытыми черными изогнутых бровей светилось доброй улыбкой.

Разбуженная грохотом рвущихся невдалеке снарядов, Гласова увидела, что она одна.

Политрук после первого же выстрела помчался на заставу.

«Что это? Маневры? А может, в подвале заставы взорвались боеприпасы?» — подумала Евдокия.

Падали на пол, разбиваясь на мелкие кусочки, оконные стекла. Сиреневый рассвет вползал в комнату вместе с кислым запахом пороховой гари.

Плакала, протирая кулачками заспанные глаза, Люба. За стенкой, у Лопатиных, слышался надрывный голос жены начальника заставы Анфисы:

— Деня!.. Милый! Куда же!..

Они выбежали почти одновременно из командирского домика: Гласова с Любой и Анфиса Лопатина вместе с детьми и матерью мужа.

Пробегая по двору к дому заставы, Евдокия вспомнила полные тревожного предчувствия слова Николая Сорокина. Вспомнила эти слова еще и потому, что увидела высоко в небе, там, на берегу Буга, на линии границы, красные сигнальные ракеты. Николай Сорокин пускал их одну за другой до последнего дыхания. Он давал знать родной заставе о продвижении врага...

Рядом с Евдокией к зданию заставы бежала полуодетая Анфиса Лопатина, прижимая к груди месячного сына Толю. В свете наступающего утра и при вспышках разрывающихся снарядов Гласова видела, как, наклонив над мальчиком лицо, Анфиса силилась успокоить плачущего ребенка:

— Тише, тише! Мы же к папе идем!

Около бабушки, спотыкаясь и посапывая, молча переваливался трехлетний Славик Лопатин. Его ноги разъезжались по росистой траве, но он старался не отставать от старших.

Раскаты снарядных разрывов слились в один сплошной грохот. Звенели бьющиеся стекла. Несколько окон здания вырвало вместе с рамами. Пылали крестьянские хаты в Ильковичах и Скоморохах.

В облаках пыли и порохового дыма пограничники занимали окопы и блокгаузы.

Дальше всех от заставы, на частной квартире в селе Скоморохи, жила семья заместителя Лопатина — лейтенанта Погорелова. После первых же выстрелов лейтенант Григорий Погорелов, высокий, широкоплечий украинец из-под Кременчуга, вместе с группой бойцов помчался на правый фланг участка, к мосту около Ромуша. Там был наиболее ответственный объект: мост через Буг.

Убегая к Ромушу, лейтенант Погорелов успел крикнуть бойцу Никитину:

— Помоги моей семье!

Никитин нашел Евдокию Погорелову с дочкой Светланой у входа в крестьянский подвал.

— Пойдем со мной, Дуся! Схоронишься на заставе! — сказал Никитин и принял из ее рук завернутую в одеяло, дрожащую от испуга Светлану.

Одна за другой семьи пограничников прибежали к зданию заставы. Там они нашли лишь дежурного Зикина. Все остальные бойцы уже заняли круговую оборону. Зикин сразу направил женщин и детей в самый дальний блокгауз, расположенный в конце двора, позади хозяйственных построек.

Недолго просидели женщины в дальнем блокгаузе. Прямым попаданием фугасного снаряда разметало настил, и женщины увидели над своими головами вместе с клочком голубоватого неба дым пожара. Совсем рядом ревели коровы. Мычание их сливалось с гулом самолетов, которые пронеслись низко над заставой.

Но вот показался Алексей Лопатин. Как всегда, начальник заставы был подтянут. И в бою он не изменил своей привычке. Блестящая портупей плотно облегла его гимнастерку. Высокий, русоволосый, он только слегка побледнел.

— Разворотило? — сказал Лопатин, оглядывая пробоину в накате. — А ну, женщины, перебирайтесь, пока подмога придет, в подвал. Там надежнее.

Погорелова спросила Лопатина:

— Григорий мой тут?

— Я послал его с людьми к мосту...

Они расположились в подвале под надежными кирпичными сводами, рядом с кучами проросшего картофеля, сохраняющего еще запахи прошлогодней осени. Поодаль стояли влажные бочки с капустой и солеными огурцами.

Гласова исчезла на несколько минут и притащила сверху какой-то матрац.

— Правильно, Дуся! — неожиданно услышала она голос мужа.

Политрук Гласов сбежал по ступенькам в подвал, огляделся в полутьме и сказал:

— Давайте и вы, женщины, тащите сюда вниз все постели и матрацы. Если будут раненые, мы их здесь расположим. Держи, Дуся, — сказал политрук, протягивая жене какие-то свертки. — Здесь масло и сахар. А это будильник. Я забежал домой... И ключ возьми от квартиры.

Гулкий разрыв снаряда потряс весь дом до основания.

— Ключ вже не нужен, — сказала, отходя от окошка, Погорелова. — Нема вже вашей хаты.

— А ты, Анфиса, даже одеться не успела!

— Какая тут одежда! — равнодушно ответила Лопатина и, прислушиваясь, вдруг вскрикнула: — Тише! Вы слышите?

В двух углах двора, в блокгаузах, соединенных со зданием ходами сообщения, затрещали станковые пулеметы.

— Неужели фашисты? — прошептала Гласова.

Да, это были фашисты!

Серые в расплывающемся тумане, они показались в двух направлениях со стороны Буга: от Ильковичей и с правого фланга, перерезая последние нити, связывавшие заставу с соседними.

Раньше всех открыл огонь из правого блокгауза заместитель политрука Ефим Галченков. Рядом с ним лежал у пулемета москвич

Герасимов. Заговорил и станковый пулемет из левого блокгауза, расположенного ближе к Скоморохам. Там, у «максима», залегли старые, проверенные уже однажды в бою, неразлучные друзья — ефрейторы Конкин и Песков. Еще совсем недавно вся застава с большими почестями отправляла в Москву, в Кремль, низенького энергичного блондина Конкина. С ним вместе ехал в столицу за правительственной наградой опытный инструктор службы собак, уроженец Ивановской области ефрейтор Песков. Медали «За боевые заслуги» поблескивали сейчас в полутьме блокгауза на гимнастерках боевых друзей.

Как только первые фашисты стали падать на мокрый луг, шедшие позади в замешательстве побежали обратно, к спасительной полоске утреннего тумана. Фланговый огонь двух станковых пулеметов показал немецким офицерам, что взять заставу в лоб не удастся. Они решили оставить ее для подавления идущим сзади них главным силам.

Лопатин воспользовался передышкой и вызвал к себе командиров отделений. Он сразу же произвел небольшую перегруппировку сил и укрепил правый блокгауз, который прикрывал все подходы к заставе на самом опасном направлении.

Ветер принес трескотню пулеметов от железнодорожного моста за Ромушем. Туда пошел Погорелов. Что же произошло с ним?

Ракеты не взлетали из кустов, откуда еще так недавно звал к себе на помощь Николай Сорокин. Все кусты, закрывающие Западный Буг от гарнизона заставы, укрепившегося на холме, были теперь в руках немцев.

...Все еще крутил ручку полевого телефона Зикин, но никто ему не отвечал. Провода, ранее соединявшие заставу в Скоморохах с соседними заставами и с комендатурой, были либо перерезаны диверсантами, либо перебиты осколками снарядов.

Лопатин подозвал к себе Василия Перепечкина. Это был смысленный боец и хороший конник.

— Скачи в Сокаль, найди Бершадского. Пусть шлет подкрепление! — приказал Лопатин.

Капитан Иван Варфоломеевич Бершадский был комендантом участка, и лейтенант Лопатин несколько не сомневался в том, что Бершадский, хорошо зная, на каком важном направлении расположена 13-я застава, вышлет к ней бойцов из резерва.

Перепечкин поймал бродившую по двору и оседланную еще с ночи кобылу, вскочил на нее и умчался ложиной в Ильковичи. Все, кто следил за его быстрым отъездом, даже женщины, сидевшие в подвале, были убеждены, что теперь-то подмога придет.

Ни Лопатин, ни подчиненный ему гарнизон не знали еще, что Сокаль оказался на направлении одного из главных ударов врага.

Направление это в первой сводке Информбюро было названо крыстынопольским.

...В это время лейтенант Григорий Погорелов вместе со своей группой пробирался к железнодорожному мосту у Ромуша. Рвы вывели пограничников в густой кустарник на мысе Шибеница. Когда лозняк кончился, Погорелов увидел около моста, на гребне железнодорожной насыпи, каски фашистов. Лежа у пулемета, немцы вели огонь по отделению, охранявшему мост.

Сейчас весь мост, по-видимому, был в руках у врага, а пограничники оттеснены от него. Под прикрытием станкового пулемета, ведущего огонь с насыпи, фашисты подползали к стрелкам отделения, прижимали их к лесу.

Не напрасно послал сюда лейтенанта Погорелова его начальник Алексей Лопатин: по мосту гитлеровцы могли в любой момент начать переброску своих главных сил, продвигающихся за передовыми отрядами.

Пробегая по лугу, перескакивая через канавы, вспотевший от быстрого бега лейтенант Погорелов надеялся, что возле моста ему удастся соединиться с бойцами соседней, 12-й заставы. Он прикидывал в уме, как все вместе они организуют оборону.

Когда группа пограничников приблизилась к цели, сердце Погорелова дрогнуло.

На окраине села Большие Джары, где раньше стояло здание заставы, подымался столб дыма. Остатки здания, разбитого в первые же минуты войны прямым попаданием зажигательных и фугасных снарядов, догорали.

Лейтенант Погорелов понял, что теперь он может рассчитывать только на свои силы, что весь участок до села Большие Джары оголен. Возможно, только кое-где, застигнутые войной, у берега оставались ночные пограничные наряды.

Таким образом, 13-я застава теперь должна была оборонять дополнительный участок границы. И самым уязвимым местом здесь был железнодорожный мост...

Приблизительно в то же время во двор 13-й заставы со стороны скомороховского кладбища влетел на коне Василий Перелечкин. Был он взволнован и бледен. Алексей Лопатин выскочил навстречу ему.

— Прибился? — крикнул начальник.

— В Ильковичах немцы! — прыгивая с коня, доложил Перелечкин. От быстрой скачки волосы его были растрепаны и припорошены пылью.

— Чего же не ехал через Стенятин?

— Там мотоциклисты ихние мчались шляхом мне наперерез. Я взял левее, чтобы вырваться на Сокаль по Тартаковскому шоссе, и там...

— Что там? — перебил его Лопатин.

— По шоссе из Сокала на Тартаков идут танки. С крестами. Большой дот, что под Равщиной, огонь по ним ведет. Я видел, как снаряды разрывались на броне... Вот, слышите? — И, опуская повод, показал рукой на юг.

Там слышался густой рокот танков, то и дело заглушаемый залпами пушек.

Лопатин спросил Гласова:

— Как же быть теперь, Павлуша?

— Подорвать мост в Ильковичах, — сказал решительно Гласов, — и держать этот участок под обстрелом. Ведь в любую минуту и по этой дороге они смогут двинуть свои войска. А наша задача — врага здесь не пропустить, что бы ни происходило у соседей.

— Пускать нельзя! — согласился Лопатин. — Я пойду и сам подорву мост!

— Ты начальник заставы и обязан командовать всеми людьми, — урезонил Лопатина Гласов. — Пошли Перепечкина и старшину Клещенко. Они справятся.

Как ни хотелось Лопатину самому лично уничтожить мост, он не мог не согласиться с доводами политрука.

Не прошло и нескольких минут, как старшина Клещенко вместе с Перепечкиным, нагруженные толовыми шашками, поползли к мосту.

Минуты тянулись в томительном ожидании. Все, кто был наверху, смотрели в сторону Ильковичей.

Вдруг, подобно молнии, блеснул под мостом огонь. Мост сразу заволокло дымом. Прежде чем на заставе услышали грохот взрыва, багрово-черный столб поднял кверху груды камней, рыжие балки, землю.

— Мы думали, что шнур неисправный, — рассказывал бойцам в подвале взволнованный Перепечкин, благополучно возвратившийся со старшиной. — Старшина поджег его сам, и мы отползли назад. Ждем, ждем — ничего. Я уже хотел было голову высунуть из оврага, а тут как ахнет!

Ближе к вечеру огородами да лугами на заставу со стороны Скоморох пробился Давыдов из группы Погорелова. На щеке у Давыдова темнела рваная рана. К тому же он был еще ранен в ногу и прихрамывал, морщась от боли.

Дежурный сразу направил Давыдова в подвал к женщинам. Не успел он сойти туда, к нему прибежал Лопатин:

— Рассказывай... Где Погорелов?

Однако Давыдов уже различил внизу глаза Погореловой, жадно ждущей ответа на этот вопрос. Рядом с ней стояла маленькая Светлана, дочь Погорелова.

Давыдов с трудом перевел свой взгляд на лейтенанта Лопатина и сказал, почти заикаясь:

— Лейтенант Погорелов остался... у моста... Я расскажу всю обстановку... Как бы сначала перевязаться?

— Пойдем наверх,— предложил Лопатин,— там светлее перевязывать... Дай-ка парочку индивидуальных пакетов, Анфиса!

Как только они остались вдвоем в комнате с выбитыми окнами, Давыдов тихо сказал:

— Нет Погорелова. Он погиб, и все остальные тоже...

И, выплевывая время от времени сгустки крови, Давыдов рассказал, что Погорелов со своей группой больше получаса держал под огнем мост через Буг, не давая врагу возможности переправиться. Трупы тридцати фашистских кавалеристов вместе с лошадьми остались на мосту, преграждая путь едущим сюда. Погорелов приказал Давыдову отправиться на заставу за подмогой. Давыдов побежал, прячась за кустами. Оттуда он увидел, как фашисты, переплывшие Буг севернее, напротив развалин 12-й заставы, окружают группу Погорелова. Давыдов видел, как гитлеровцы закалывали раненых. Он слышал крик Погорелова: «Гранатами их, хлопцы!» И на этом крике все оборвалось.

Почти весь луг перед заставой хорошо просматривался из маленькой щели подвального окошка.

Гласов прижался к пахнущей глиной продолговатой щели. Перепуганные гуси успокоились, вылезли из оврага, в котором протекала Млынарка, и важно разгуливали по мягкой мураве, косясь на мертвых гитлеровцев.

Политрук услышал треск мотоциклов возле Ильковичей и понял, что гитлеровские автоматчики объезжают заставу стороной по дороге, ведущей окраиной Ильковичей на Бараньи Перетоки. Над Ильковичами поднимался черный столб дыма. «Наверно, колхоз горит»,— подумал Гласов.

Сверх ожидания ночь прошла спокойно. Правда, она была непохожа на прежние мирные ночи. Вся в далеких и близких зарницах орудийных залпов, освещаемая пожарами разбитых селений, наполненная грохотом артиллерийской канонады и монотонным, завывающим гулом невидимых самолетов, пролетающих совсем низко, ночь эта надолго осталась в памяти у всех, кто защищал волынскую и галицкую земли в июне 1941 года.

Пограничники, залегшие с пулеметами у разбитых окон Ленинской комнаты, и те, которых выслал Лопатин во двор в боевое охранение, до рассвета видели кроваво-багровое небо на востоке, на западе, на юге.

Уже к вечеру первого дня войны сказалась нехватка продуктов. Обычно свежий хлеб и масло заставка получала ежедневно из Сокаля. Остальные продукты подошли к концу еще в субботу, 21 июня,

и старшина Клещенко собирался получить их в Сокале именно в воскресенье, 22 июня.

Утром 23 июня на малопроезжей проселочной дороге, ведущей из Задворья в Скоморохи, показалось несколько открытых грузовиков с фашистскими солдатами. Одни из них сидели в грузовиках, держа на коленях черные автоматы, и глядели на восток; другие, сняв тяжелые каски, не теряя времени, обципывали гусей.

— Не пропускать! Огонь! — приказал Алексей Лопатин.

Оба станковых пулемета развернули к дороге. Заколебались надульники ручных пулеметов, выглядывавших из окон первого и второго этажей. И как только первая машина показалась из лощины, ее встретил дружный огонь заставы.

Уцелевшие солдаты прыгнули на ходу с подбитых машин и отползли в пшеницу.

Спустя полчаса рота полевой жандармерии окружила село Скоморохи. Оцеплены и соседние хутора. Гитлеровцы уверены, что машины обстреляны местными жителями. Никто из них не мог предположить, что это подала признаки жизни молчавшая всю ночь пограничная застава.

«Уже донесли!» — решил Пеньковский, когда в подвал к нему, освещая ступеньки электрическими фонариками, стали спускаться гитлеровцы. Пеньковского они пока еще не видели. Он лежал на соломе в самом дальнем углу подвала, куда пришлось спрятаться от перестрелки, вспыхнувшей поутру около заставы. А сейчас вот гитлеровцы пожаловали к нему «в гости», подосланные, наверно, кем-то из местных кулаков.

«Вот когда они рассчитаются со мной и за председательство в сельсовете, и за колхоз, который я помогал строить!» — подумал Пеньковский.

Фашисты вытащили его из подвала вместе со скрипкой, которую старик держал под мышкой.

Выкрик: «Откуда стреляли?» — несколько успокоил Пеньковского.

«Значит, по другому делу!» — решил он и, припоминая немецкие слова, объяснил кое-как, что не знает.

— Как не знаешь? Ты же местный житель! — закричал на него гитлеровец в фуражке с изображением черепа и перекрещенных костей. — Отсюда все так хорошо видно!

— Да я в подвале сидел! Что вы от старого человека хотите? — оправдывался Пеньковский.

— А кто мост в Ильковичах взорвал? Ты, наверное?

— Кто взорвал? Тот, кто взорвал, меня об этом не спрашивал.

Его вместе с женой, пока в хате производили обыск, поставили лицом к стенке. Подняв вверх руки, Пеньковский искоса поглядывал на свою скрипку.

Отброшенная в сторону, она лежала на куче прошлогодней соломы, и на ее выпуклом, обтертом донышке играли первые утренние лучи. Сколько свадеб слышало голос этой скрипки! Доведется ли еще когда-нибудь сыграть на ней?

— Из села никто не стрелял. То не мы машины обстреливали, — заговорил с гитлеровцами по-немецки Матвей Скачко.

— А кто же обстрелял? Кстати, кто научил тебя говорить по-немецки? — оживился лейтенант.

Матвей Скачко служил когда-то в австрийской армии, сражался «за цесаря» на итальянском фронте и с той поры знал немецкий язык. Он с готовностью доложил об этом офицеру.

— Отлично! — обрадовался лейтенант. — Мы тебя возьмем в переводчики. Мой переводчик заболел дизентерией. Пока он будет лечиться, ты его заменишь. Расскажи же, кто стрелял?

Матвей Скачко шевелил молча губами, как бы подыскивая недостающие ему слова.

«Советские пограничники ведь сами не хранили в тайне свое существование. Раз они открыли огонь по немцам, то это значит, что они принимают открытый, хотя и неравный, бой с врагом!» — подумал Скачко и сказал:

— Мне кажется... это военные стреляли с того бугра. Лопатинцы.

— Сколько их там?! — крикнул жандарм.

— А я знаю? Может, сто, а может, двести. Они гражданским об этом не рассказывали, — ответил Матвей.

— Отлично, — сказал лейтенант. — Мы заставим их капитулировать, а ты будешь нашим парламентаром.

С белым флагом в руках Матвей Скачко пошел селом в сопровождении лейтенанта. Он видел, что следом за ним огородами, садами, прячась за хаты и столоты, переползая и маскируясь, движется рота фашистов. Ему хорошо был понятен замысел противника.

«Пока под защитой белого флага я буду переговариваться с пограничниками, солдаты потихоньку подползут к заставе и, набросившись отовсюду на ее гарнизон, силой оружия принудят пограничников сдать... Куда я иду? — думал Скачко. — Выманить на расправу своих людей? Помочь врагам хитростью захватить честных воинов? Для чего мне нужно на старости лет поганить совесть, седые волосы?»

Утренний ветерок развеивал в его руках белый флаг.

Из заставы застрочил пулемет, и в бойнице левого блокауза засверкали огоньки. Это заместитель политрука Галченков короткой, предупредительной очередью пересек дорогу шагах в десяти перед Скачко. Пограничник как бы говорил, подсказывал этими выстрелами, что в парламентарях заставка не нуждается и что подходить к ней не следует.

Лейтенант сразу отпрянул за бугор. Попятился назад и Матвей Скачко.

— Я не пойду. Я боюсь,— сказал он и опустил флаг.

— Иди!

— Не пойду! Ищите себе другого.

— Марш! Ты австрийский солдат! Я тебя мобилизовал! — И лейтенант поднял свой вальтер.

— Совесть мою ты мобилизовать не можешь,— хмуро ответил Скачко и повернулся, направляясь в село.

— Русская свинья! — закричал лейтенант и разрядил в затылок парламентаря обойму пистолета.

На этот раз застава была атакована с тыла. Фашисты предполагали, что с этой стороны у нее нет укреплений. Подрывая гранатами колючую проволоку, прячась за развалинами бани и конюшни, ведя огонь из автоматов, они поползли двором.

Лежа на втором этаже, Дмитрий Максяков принялся поливать их сверху из ручного пулемета. Поодаль, у стенки, с дисками наготове притаился Зикин. Людям, ведущим огонь из окон здания, помогали с флангов станковые пулеметы и стрелки.

У другого окна залег сержант Герасимов с четырьмя бойцами. Возле него стояли два ящика гранат. Еще с вечера, правильно рассудив, что во время атаки некогда будет заряжать гранаты, Герасимов заложил в них запалы.

Как только фашисты бросились на крыльцо, Герасимов выдернул в одной из гранат предохранительную чеку и бросил ящик вниз.

Огромной силы взрыв потряс здание. Куст сирени около крыльца мгновенно обуглился, как после сильного лесного пожара. Убитые и раненные взрывом гранат фашисты остались около крыльца. Убегающих догоняли пули пограничников.

Из слухового окна чердака Лопатин увидел, как под старым вязом около усадьбы Григория Гурского в Ильковичах гитлеровцы установили орудие. Закрытое плетнем, оно было видно лишь с чердака.

Лопатин вспомнил, что кирпичное здание заставы ниоткуда не просматривается так хорошо, как от плетня усадьбы Гурского. Стоит противнику чуть-чуть выкатить пушку из-за плетня на открытую позицию, и они смогут ударить в любое окно заставы. Не раз, подходя к заставе по ровному луку, Лопатин уже издали видел вросший в холм дом с алым флагом над крышей и радовался тому, что застава расположена на таком выгодном бугре, господствующем над местностью. Однако сейчас он понимал, что, каково бы ни было расположение заставы, как бы ни были прочны ее стены, гарнизону прежде всего не хватало артиллерии.

«С пулеметами против пушек много не навоеешь!» — думал он и, чтобы напрасно не терять людей, приказал всем бойцам покинуть верхние этажи здания.

Когда снаряды начали рваться подле дома и разрушать его стены, в комнатах уже никого не было. Некоторые бойцы перешли в ходы сообщения, другие спустились в подвал к раненым и женщинам, готовые каждую минуту занять свои места в блокгаузах и ячейках для одиночной стрельбы.

Кислый запах взрывчатки вползал в подземелье, где молча сидели бойцы и женщины с детьми, прислушиваясь к обстрелу.

— Ответить бы гадам, да нечем! — заскрежетал зубами Никитин.

— Чесануть их пулеметами разве? — сказал боец Егоров с повязкой на глазу.

Он был ранен. Пуля задела веко и переносицу, глазное яблоко хотя и было ушиблено, но осталось целым. Глаз только вспух и не раскрывался.

— Перевод патронов, — ответил Никитин. — Начальник правильно делает, что боя с артиллеристами не принимает. Они за щитом почти в безопасности, а нам патроны для живой силы нужны, для отражения штурма.

— Тише, братцы! — сказал Зикин. — Будто бить перестали.

Все прислушались. И впрямь на дворе стало тихо.

В это время, громко стуча сапогами по выщербленным от времени ступенькам, в подвал вбежал Косарев.

— Все, кроме раненых, наверх! — закричал он.

Фашисты окружали заставу со всех сторон. Ползли к ней и с тыла, и от Буга, и от Задворья, прикрываясь развалинами хозяйственных построек.

— Подпускать как можно ближе! — передал по ходам сообщения из левого блокгауза Лопатин.

Политрук Гласов следил за продвижением фашистов из-под козырька хода сообщения.

Как все это было непохоже на первую атаку противника! Тогда фашисты шли в полный рост, уверенные, что от одного их вида все разбегутся. А теперь они прижимались к земле, как бы стараясь вдавить в нее свои тела. Ранцы на их спинах и похожие на термосы противогазы шевелились в такт движению. Изредка фашисты залегали под буграми и, высунув оттуда головы в касках, разглядывали красневшее на холме здание заставы.

Лопатину передали, что и за баней накопилось человек двадцать фашистов.

— Огонь! — крикнул он.

Ожило молчавшее столько времени здание заставы. Дмитрий Максяков огнем ручного пулемета с высоты второго этажа доставал

фашистов, подползающих от Скоморох. Бил по ним из огневой точки, вырытой под вишенкой, только что сменившийся с дежурства Косарев. Зикин отдал ему свой пулемет, и Косарев, припав к затыльнику, видел, как падают солдаты противника. Он так увлекся, дорвавшись до пулемета, что не видел и не слышал ничего вокруг. Замолкли станкачи в боковых блокгаузах, но еще работал «максим» Ивана Котова, выгнал со двора в лощину гитлеровцев Максяков и сейчас закладывал новый диск, а Косарев все стрелял и стрелял короткими очередями, пытаясь настигнуть врагов, отползающих к Бугу.

— Хватит, Косарев! — остановил его Гласов. — Патроны беречь надо.

Исчезая в буераках и в оврагах, вьется параллельно течению Западного Буга пыльная проселочная дорога. Между нею и рекой тянется пограничная полоса с лугами, лежащими у берега.

За пограничной полосой, на бугре, стоит в саду домик Пеньковского. Внизу, в овраге, немилосердно пыля, то и дело проскакивают немецкие связные на мотоциклах, проезжают грузовики с солдатами и лимузины с офицерами. Их саперы не пытаются восстановить взорванный мост в Ильковичах, вынуждая машины идти в объезд на добрых два километра, да еще на первой скорости.

Однако не они интересуют вышедшего спозаранку Никиту Пеньковского. В полуверсте от своего дома, на подступах к Бугу, он видит хорошо знакомое здание заставы. Хоть давно выбиты там оконные стекла и взломана фугасными снарядами вековая кладка кирпичных стен, дом по-прежнему высится на холме посреди черного пепелища, и над ним вьется особенно яркое в утренних лучах поднимающегося солнца алое советское знамя.

Ворота разбиты, проволочное ограждение местами порвано прямыми попаданиями снарядов и перерезано саперными ножницами. Узенькие, чуть заметные отсюда тропочки протянулись в овсе и пшенице к этому дому, тропочки, по которым к людям 13-й заставы уже не раз подползала смерть.

Но дом живет.

Тонкий голубоватый дымок поднимается из трубы к чистому утреннему небу, растворяясь в синеве. Должно быть, повара заставы, как и в мирное время, готовят завтрак для гарнизона.

А те, кто вытоптал колхозные овсы, кто шагал по Карбовскому лугу, уминая подорожник и лютики своими тяжелыми гофрированными подметками, валяются убитыми вокруг. Один из них, издали похожий на пугало, повис прямо на заборе, уцепившись в предсмертной судороге за колючую проволоку.

Все это видит стариковскими, но еще зоркими глазами Пеньковский. Но, радуясь дымку над заставой, старик замечает и то, от чего тревожно сжимается его сердце.

Четверка коней со снарядным ящиком и длинноствольной пушкой останавливается возле моста в Ильковичах. Ездовые быстро

распрягают лошадей и уводят их на зады села, оставляя пушку артиллеристам. Несколько вражеских орудий на конной тяге поворачивают в Скоморохи. Проходит несколько минут, и Пеньковский видит, что артиллеристы выкатывают их на позицию за хатой Бецелюка. Одно орудие они устанавливают во дворе Бойчука. Под старым вязом в Ильковичах, около усадьбы Григория Гурского, также появляется расчехленный орудийный ствол. На задах хутора Задворье, совсем близко от заставы, фашисты суетятся у пушек, откряхивают снарядные ящики.

— Ой, лышенько, що ж то будэ! — слышит у себя за спиной голос жены Пеньковский. — Там же дети, женщины! — Она утирает слезы вышитым краем передника и тоже не может оторвать глаз от заставы.

...Уже от первого залпа облако розовой пыли взлетает над домом и долго висит в утреннем воздухе. Разлетаются во все стороны кирпичи старой кладки, и тонко визжит где-то рядом над головами еще, должно быть, горячий снарядный осколок.

— Беги в подвал, тут опасно! — подталкивает жену Пеньковский.

Он остается один, приседает возле столы и, вздрагивая при каждом новом залпе, видит, как с упрямой и жестокой последовательностью снаряды впиваются в здание заставы. Все оно, как пламенем, охвачено розовой пылью, и в этой пыли ярко вспыхивают новые разрывы. И снова после быстрых вспышек разрывов разлетаются обломки кирпича, плитки черепицы.

Вот рухнула левая половина верхнего этажа вместе с крышей и балками. Вот вырвало угол с торчащей трубой и трубу зашвырнуло на высокую акацию.

Орудия выплевывают пламя. Снаряды один за другим подтачивают нижний этаж дома, отгрызают куски его стен, и наконец фасад здания рушится, увлекая за собой другие стены.

Долго расплзается в воздухе густое багровое облако кирпичной пыли, сажи и дыма. Странной кажется тишина. Ветер рассеивает остатки кирпичной пыли, и Пеньковский видит, что здания фольварка больше нет.

На холме, где еще так недавно высился высокий прочный дом, сейчас лишь груды развалин. Уцелели только каменное крыльцо под железной крышей да ведущий от него в первый этаж коридор. Пеньковский представляет себе, сколько пограничников завалено обломками. Он мысленно видит убитых детей, женщин, задыхающихся бойцов, тщетно пытающихся выбраться из-под развалин.

Кроме женщин, детей и раненых, в подвале остался лишь Зикин. Он пришел за патронами и задержался, ожидая, пока женщины набьют ленту. Все остальные были в укрытиях, в блокгаузах. Когда оба этажа рухнули, людей в здании не было.

— Ох ты! — вскрикнул Зикин, услышав, как тяжело повалилась стена.

В подвале сразу потемнело, как в осенний день, когда дождевая черная туча неожиданно заслонит солнце.

Разрушив два этажа дома, гитлеровцы, сами того не подозревая, оказали услугу его защитникам. Над подвалом образовалась шапка из обломков стен и щепня. Вековые своды подвалов поддерживали этот прочный настил, и снаряды не причиняли вреда сидящим внизу.

Лишь в одном месте, там, где стена подвала, обращенная к Карбовскому лугу, поднимаясь из земли, была обнажена, остатки здания оставались особенно уязвимыми для артиллерийского обстрела. Правда, как раз здесь подвал разделялся на несколько отсеков и узких коридорчиков, которые своими внутренними перегородками, как переборками в трюме корабля, усиливали наружную стену.

Опасаясь атак именно с этой стороны, лейтенант Лопатин приказал держать здесь наготове ручной пулемет.

Смотровая щель в замурованном окне была превращена в бойницу. Возле окна залегли Максяков и Перепечкин.

После того как дом рухнул, фашистскому лейтенанту волея-неволей пришлось повести на приступ остатки роты.

Если бы дом не был разрушен и у окон второго этажа, как и прежде, лежали пулеметчики, тогда, разумеется, они открыли бы огонь по фашистам значительно раньше. Сейчас же, расположенные почти на уровне земли, огневые точки обнаружили себя лишь тогда, когда враг приблизился почти вплотную.

Еще не успели две красные ракеты, описывая дуги, упасть на Карбовский луг, как бежавший впереди своих солдат вражеский офицер рухнул на ступеньки бани.

Зикин застрелил фашиста в упор, оборвав его крик: «Хох!»

— Гранатами! — приказал Гласов.

— Гранатами! — кричал в ходе сообщения возле правого блокауза Алексей Лопатин.

Султаны земли, смешанной с осколками и битым кирпичом, как неожиданный барьер, возникли на пути врагов: одни залегли в лощине, другие упали за развалинами конюшни.

Вскоре артиллерия врага вновь открыла огонь по заставе. Начался и минометный обстрел.

Раньше, когда вражеские артиллеристы стреляли от церкви, снаряды рвались только в верхних этажах. Теперь они разрывались в груде кирпича, почти не принося вреда защитникам границы.

Значительно труднее было врагам вести прицельный огонь по заставе со стороны моста в Ильковичах. Подвальная часть здания здесь находилась глубоко в земле, и только кое-где из земли выглядывали маленькие окошечки. Возле них сидели пограничники, не давая своим огнем противнику прицеливаться как следует. Часто

случалось так, что артиллерийская прислуга была перебита и гитлеровские орудия с задранными стволами молчали до ночи, потому что фашисты не могли подползти к ним.

А маленький гарнизон заставы редел все больше. Усталые, не знавшие сна уже несколько суток, советские пограничники, часто оставаясь в одиночестве у бойниц, помимо своей воли начинали дремать. Алексей Лопатин приказал дежурить у брешей по двое.

В подвал ворвался Максяков. Он подскочил к ведру с водой. Женщины думали, что Максяков хочет напиться, но он схватил ведро и помчался обратно.

— Оставь, то для хлопчика! — крикнула Погорелова.

— А там пулеметы раскалились! — задерживаясь на минуту, крикнул Максяков. — Ночью накачаем! — И вполголоса сказал: — Косарева убило!

Косарев! Неторопливый, добродушный, застенчивый парень... Как часто на виду у всех он болезненно переживал любую неудачу! И как радовался успехам! Еще совсем недавно он ворвался в подвал с радостным возгласом: «Товарищ Косарев-то дюжину немцев ухлопал!»

Погорелова теряла последнюю надежду увидеть мужа живым. Разве может уцелеть лейтенант Погорелов там, на открытом месте, возле моста через Буг?..

Политрук и Лопатин вышли на крыльцо. Темные, расплывающиеся в тумане, лежали соседние села. Ни одного огонька. Каноада на востоке стала глуше, отдаленней. Поблизости у крыльца поскрипывал ручной насос. Было слышно, как хлещет в ведро струя воды. Это пограничники запасались на завтрашний день. Гласов приказал наполнить на всякий случай все пустые бочки.

День 26 июня прошел спокойно. Атак враги больше не предпринимали, хотя их орудия оставались на позициях вокруг заставы. Старики крестьяне, служившие некогда в австрийском войске, говорили между собой: «Молодцы хлопцы, не поддаются, да еще столько артиллерии возле себя задерживают!»

Повсюду на дорогах, ведущих к заставе, стояли теперь барьерчики с надписями: «Внимание! Опасно!»

Дважды после полудня над Сокалем пролетали на восток большие группы самолетов. Летали они довольно низко, но, даже не всматриваясь в их очертания, по одному заунывно дрожащему звуку их моторов было ясно: не наши!

Около полуночи боец Коровников, посланный в секрет к лощине, отделяющей двор заставы от огородов села Скоморохи, передал через связного пограничникам, что слышит поблизости женские голоса. Лопатин подполз к лощине, где залег Коровников, и вскоре услышал шепот: «Да не стреляйте же, товарищи, это свои!»

Друг это шептал или подосланный фашистами лазутчик? Начальник заставы приказал Зикину, Коровникову и Максякову приготовиться, чтобы в случае подвоха открыть огонь, а сам, выползая немного вперед, вполголоса сказал в темноту:

— Стрелять не будем. Давайте сюда...

Зашуршал бурьян, и вскоре из темноты показались две женские фигуры. Ползли они с опаской, поминутно задерживаясь и оглядываясь назад.

— Ползите ближе, не бойтесь! — нетерпеливо сказал Лопатин.

— Мы вам хлеба напекли, возьмите, — сказала пожилая женщина в платке, спадающем на лоб.

Лопатин заметил в руках у нее мешок, от которого шел вкусный запах свежего, недавно испеченного домашнего хлеба. Запах этот чувствовали и бойцы, лежащие в секрете. Лопатин знал, что мука в подвале на исходе. Паляницы, которые пекла Дуся Погорелова, заменяли, правда, хлеб, но куда им было равняться с этими мягкими, душистыми караваемы, лежащими в мешке крестьянки, да и паляницы не сегодня-завтра должны кончиться. Принимая мешок с хлебом, Лопатин сказал:

— Вот спасибо, бабоньки! Что в селе делается? Немцев много?

— Человек сорок возле хат в палатках разместилось. Остальные на дорогах все стерегут. И в Ильковичах немцы, — сказала женщина, подавшая Лопатину мешок.

— А пробиться до Порецка можно? — спросил Лопатин.

— Конечно, можно! — сказала, кивая головой, другая женщина, и лежащий в секрете Зикин вздрогнул. Он узнал по голосу мать своей невесты. — Они не очень-то шляхи охраняют. Убежать всегда можно.

— Зачем же нам убежать со своей земли? — сказал Лопатин. — Это пусть воры фашистские убегают отсюда, пока живы!

— Немцы дуже сердиты на вас, — сказала женщина. — Вы их лейтенанта убили, что обыскивал нас на селе. Они бы вас на куски разорвали, да не могут. Сколько ихних вояков вы положили! Старые люди смеются. «Целая, — говорят, — дивизия на пузах к этому фольварку подлазит, из артиллерии в него лупит и ничего не может поделывать с такой горсткой прикордонников».

Приятно было Лопатину услышать эти простые слова, которыми окрестные крестьяне оценивали стойкость пограничников, но он, не выдавая своих чувств, спокойно спросил:

— Далеко продвинулись фашисты?

— А кто их знает? — вопросом ответила мать невесты Зикина. — Одни люди говорят, что Львов уже захватили, другие говорят, что то брехня, что Львов обороняется. Под Грудеком Ягеллонским, слыхали мы, наши много немцев положили. А вот Владимир у них уже. Один наш господарь оттуда вернулся. Рассказывает, танками они его взяли. Сильно побит Владимир, людей много пострадало.

— А сегодня в селе был один человек из Сокаля, клялся и божился, что сам по радио из Москвы слышал — Советы обратно Перемышль от немцев отняли,— скороговоркой прошептала другая женщина.

— Перемышль?! — воскликнул Лопатин.— Это здорово! Ну теперь пойдет! — Но тут же продолжал: — Слушайте, бабоньки. В случае, если наши люди к вам заглянут, прячьте их от врага. Наши вернутся — спасибо скажут. Доброго дела Советская власть никогда не забудет. Так и передайте всем господарям!

— Будьте спокойны, — сказала мать невесты Зикина. — Любой из колхозников вам всегда поможет. Разве вы не знаете, товарищ начальник, наше село?

— Знаю, конечно, знаю, — сказал Лопатин, — и уверен в ваших людях.

— Ну, бувайте здоровеньки. Держитесь крепко. Жинкам приветы передайте и воякам вашим всем!..

И обе женщины поспешно исчезли в ночи.

Лежа в секрете, боец Зикин все еще чувствовал запах хлеба. Он был убежден, что добрую половину тех буханок, которые притащили в мешке женщины, напекла она, его Мирца.

Он мысленно видел, как склонилась она над квашней и своими сильными руками месит тесто, то и дело откидывая спадающие на лоб каштановые волосы.

Так близко было до ее хаты (каких-нибудь полверсты!), но война встала на их пути, и неизвестно, когда придется им встретиться.

27 июня в половине одиннадцатого вечера багровый отблеск орудийного залпа осветил крыши избушек на околице Задворья. От первого же снаряда, выпущенного по заставе, во дворе фольварка стало так светло, как будто кто-то внезапно на холме зажег сотни электрических ламп. Даже пулеметчики в блокгаузах могли различить стреляную гильзу у себя под ногами.

— Бьют термитными, — догадался Лопатин.

Посылая Зикина в подвал, начальник заставы сказал ему:

— Пусть законопатят все дыры во двор. Дверь наружу не открывать!

Снаряд, врезавшийся в стенку подвала, обращенную к Карбовскому лугу, стекал бело-огненной массой по кирпичам, распространяя удушливую серную вонь. Казалось, что кто-то невидимый прикоснулся к стене огромным электродом и водит им, образуя вольтову дугу, а металл расплывается на кирпичках, отбрасывая зеленоватосиние блики.

Женщины затыкали щели в окнах подушками, мокрыми тряпками. Запах серы уже чувствовался и в подвале. Он становился с каждой минутой все сильнее.

— Поджарить нас хотят, — заметил Егоров.

— Спета наша песенка... — тихо, сквозь зубы протянул Дариченко.

Около него застонал Данилин. Ему становилось все хуже.

— Потерпи, Данилин, наши самолеты сядут и... — попробовала утешить раненого Погорелова.

— Эх, Дуся, какие самолеты, когда такое делается! — в сердцах перебил Погорелову Давыдов. — Какой летчик сядет на луг под таким обстрелом?

— Не сейчас, так позже прилетит! — сказал политрук Гласов, быстро входя в подвал и с силой захлопывая за собой дверь.

В час обстрела он хотел быть с теми, кто больше всего нуждался в душевной поддержке. Он прекрасно знал, какие тяжелые мысли гнетут сейчас раненых.

— Вы это серьезно говорите, товарищ политрук, что за нами могут прислать самолет? — спросил Давыдов.

— А вспомни, Давыдов, как челюскинцев со льдины спасали. Оттуда, брат, куда труднее вывозить людей. Пурга, ветер, на тысячи километров жилья не сыщешь, а все-таки спасли! — горячо сказал Гласов.

Грохот разрыва оборвал его слова. Пошатнулась лампа от сильной воздушной волны; казалось, еще немного — и она погаснет совсем. Но вот огонек в стеклянном колпаке выпрямился.

Когда в подвале стало светло, все увидели, что на прежнем месте Гласова нет. Отброшенный силой взрыва, он лежал на земляном полу, а по затылку его стекала кровь...

Наступило утро. Хотя фашисты и продолжали бить термитными снарядами по заставе, но при дневном свете обитателям подвала уже не было так страшно, как ночью. Дверь в коридор приоткрыли. Женщины расконопатили окно, выходящее во двор. В сером полумраке виднелись забинтованные раненые. У Данилина уже не было сил стонать. Лишь изредка открывал он пересохшие губы, собиравшись что-то сказать, и снова погружался в забытье.

Сейчас фашисты стреляли с паузами — выпускали несколько снарядов, потом посылали солдат в разведку. Пограничники отгоняли их огнем. Затем наступало несколько минут передышки, вслед за которой орудия вновь открывали огонь. И так все время, как только начало светать.

Лопатин понимал, что противник прощупывает и засекает его огневые точки.

Чтобы обмануть врагов и сберечь людей, он стал менять позиции пулеметчиков. Отгоняют пограничники фашистов и сразу же по ходам сообщения перетаскивают пулеметы в запасные гнезда, а артиллерия ведет огонь по пустым блокгаузам.

Пограничники очень устали от частых перебежек. Запыленные, с запавшими щеками, в измазанных глиной и штукатуркой гимнастерках, они подчас не могли даже сбегать в подвал напиться воды.

Как хорошо, что Гласов вовремя догадался залить водой все пустые бочки! Если бы не это, туго пришлось бы людям и пулеметам!

Алексей Лопатин привел в подвал новых раненых.

Первым, зажимая рукой рану на левом бедре, спустился вниз Никитин. Мужественное загорелое лицо его было перекошено от боли, губы побелели. Но все же его вид был не так страшен, как раны низенького и коренастого уроженца города Иванова ефрейтора Пескова. Лицо Пескова было изуродовано не то снарядным осколком, не то камнями. Его напарнику Конкину поранило обе руки. Конкин держал рукоятки «максима» в ту минуту, как разорвался снаряд.

— Пулемет разбило, вот жалость! — сказал Конкин, войдя в подвал.

Раненые усаживались на матрацах. Лопатин быстро прошел в подвал.

Там у кирпичной стены лежал на сером солдатском одеяле мертвый Гласов. Голова его была обмотана сложенной четверо чистой простыней.

Лопатин ворвался сюда сразу, в разгар ночного боя, как только услышал, что ранило Гласова. Бережно обтирая платком кровавую пену, закипавшую в предсмертном дыхании на губах Гласова, и ничего не видя, ничего не слыша вокруг, начальник заставы шептал:

— Держись, Павлуша, не сдавай... Ты выцарапаешься... Держись... Смотри на меня... Слышишь?

На корточках около мужа, неподвижная и окаменевшая в своем горе, сидела Дуся Гласова. Серое, сразу постаревшее ее лицо было в потеках слез.

— Оставьте мужа, Гласова, перевязывайте бойцов, — сказал Лопатин. — Ничем вы ему уже не поможете.

Гласова, пошатываясь, встала. Она приложила руки к вискам, поправила волосы и, не глядя, шагнула вперед с той самой приступочки, с которой упал он, ее Павел.

Женщины разрывали простыни на длинные полосы. Анфиса и Погорелова быстро свертывали их.

Безучастная ко всему, ошеломленная своим горем, Гласова стояла около них не шевелясь.

Погорелова свернула последний бинт, положила его на одеяло и подошла к Гласовой.

— Обе мы с тобой овдовели, родная. Как ни горюй, не воротишь. Помогай лучше перевязывать.

Ближе к полудню в воскресенье, 29 июня, солнце окуталось багрово-дымным венчиком.

Худой, осунувшийся лейтенант Лопатин решил, что это к дождю. И вспомнил старую морскую поговорку: «Солнце красно с вечера — моряку бояться нечего, солнце красно поутру — моряку не по нутру».

Перемена погоды не могла изменить положения окруженного гарнизона. Люди все реже поглядывали на небо. Уже почти никто не надеялся на помощь с воздуха.

Гитлеровцы больше не беспокоили пограничников артиллерийскими обстрелами, и Лопатин понимал, что, понеся потери, они придумывают какой-то способ, чтобы заставить их сдаться. Может быть, они ожидают саперную часть или тяжелую артиллерию, способную крупнокалиберными снарядами поднять из земли на воздух остатки дома? А может быть, они хотят применить газы или дымовые шашки? Что могло случиться сегодня или завтра, Лопатин не знал, но одно ему было ясно: фашисты применяют любые средства, чтобы добиться своего. Однако день и вечер прошли спокойно.

— Давайте бежать, Алексей Васильевич! — сказала Гласова. Начальник заставы молчал. Что чувствовал он в эти минуты?

Возможно, он вспоминал все, что связывалось в его сознании со священным понятием воинского долга, исключаящим в любых условиях трусливое слово «бежать».

А быть может, торжественные слова «Варяга» — любимой песни, которую пели в его родном селе Дюкове старики, побывавшие на японской войне, — проникали в его мысли издалека, с зеленых лугов Ивановской области, где прошло его детство. Сколько раз играл ему «Варяга» и здесь на своем баяне Максяков!

Разве не была сейчас чем-то подобна «Варягу» застава — это на две трети сметенное огнем, искалеченное, засыпанное грудами кирпича и земли старинное здание, над которым вился советский флаг?

Разве не был он капитаном этого здания-корабля, в подвалах которого еще имелись в цинковых коробках патроны, лежали в ящиках гранаты, детонаторы, винтовки?

А быть может, стоя у окошка подвала, Лопатин вспоминал осенний день 1939 года? То был день производства его в офицеры и прощания с родным училищем...

«Направьте меня на запад, — попросил тогда Лопатин. — Там погиб от немецкой пули мой отец».

Во Львове, прежде чем явиться за назначением, Алексей Лопатин взобрался на Высокий замок. Над его обрывистыми склонами, поросшими смереками, грабами, березами, над близкой к замку могилой первопечатника Руси Ивана Федорова Алексей Лопатин вспоминал свои родные места.

Простор, открывающийся взгляду с Высокого замка, напомнил Лопатину широкое раздолье Поволжья. Здесь, на склонах Высокого замка во Львове, Лопатин с особой остротой осознал, как велика, необозрима его Родина, его Отечество, пославшее лейтенанта-ивановца сюда, в Галичину, охранять рубежи родной земли.

— Пойдем, товарищ начальник, — более настойчиво, прикасаясь к плечу Лопатина, говорит Гласова.

Лопатин отошел от окна, осветил лежащего в беспомощности Данилина и сказал:

— Нет, Дусенька, никуда мы, мужчины, не пойдем. Я без приказа заставу не оставлю. Вы с детьми идите напрямиком на Стенятин, а потом заворачивайте к лесу. Одних вас, без военных, может, никто и не тронет.

Прощались уже на крыльце. Туман поднялся высоко. Сейчас он застилал белой клочкообразной пеленой весь двор заставы, скрадывал очертания сгоревших конюшен, неслышно взбирался на побитое осколками крыльцо. И всем казалось, что не у развалин дома они стоят, а на макушке высокой, неприступной горы, пробившейся к небу сквозь слой густых облаков.

Алексей Лопатин крепко поцеловал Славика, легко прикоснулся к лбу Толи, стараясь не разбудить малыша, осторожно обнял жену. Он простился и с остальными женщинами, погладил по головке Светлану Погорелову и тихо сказал:

— Прощайте! Клянемся вам, что будем биться до последнего, но живыми фашистам не сдадимся!

Утром, когда взошло солнце и клочья тумана, разгоняемые его лучами, расплзались и как бы таяли, опять заговорили два станковых пулемета. Им вторили одиночные винтовочные выстрелы.

Маленькая горсточка пограничников — последние защитники заставы над Бугом — выполняла клятву, данную лейтенантом Алексеем Лопатыным от их имени.

Шел девятый день обороны заставы, понедельник 30 июня 1941 года.

В это утро фашистские войска с разных направлений входили во Львов.

Старинное село Скоморохи было уже в глубоком тылу гитлеровских войск.

Однако по-прежнему Государственный флаг Советского Союза развевался над развалинами фольварка, на высоком холме, припорошенном кирпичной пылью.

Светало, когда женщины с детьми подошли к Стенятину.

С горькими складками в уголках рта шла впереди всех Погорелова. Было условлено: на все вопросы встречных будет отвечать именно она, полтавчанка, хорошо знающая украинский язык. «Пусть думают, что мы местные», — решили женщины.

Показались первые хаты Стенятина.

Из сарая большой усадьбы слышалось, как журчат струи сдаиваемого молока. Женщины переглянулись и замедлили шаг.

— Давай попросим молока, Фиса, — шепнула Гласова, вопросительно глядя на Лопатину.

— Пусть Погорелова попросит, — сказала Лопатина, доставая деньги, которые дал ей на дорогу муж.

— Хозяйка, а хозяйка! — нерешительно позвала Погорелова.

На ее зов из-за хаты вышел высокий огненно-рыжий человек с лицом, еще мокрым от умывания.

Уже одна его серо-зеленая шапка с двумя рожками над куцым околышем насторожила женщин. Сбитая на затылок, она была украшена блестящим значком. Это был «резуб» — знак украинских националистов.

Если бы среди женщин был кто-нибудь из галичанок, то они сразу бы по этой шапке «мазепинке» определили, что за человек подошел к ним. Но все три женщины еще мало жили в Западной Украине, не знали ни местных обычаев, ни истории этого края и поэтому спокойно ожидали этого долговязого в рогатой шапке.

— Вам чего?

— Хлопчик больной. Молока продайте! — сказала Погорелова, кивая на спящего Толю.

— А вы откуда? — спросил рыжий.

Позже они узнали, что его зовут Иван Кней. Уроженец Бабятина, он был прислан на пополнение созданной немцами «украинской» полиции.

— Мы... из Сокаля! — некстати вмешалась Гласова.

— Из Сокаля? А почему грязные такие? Не врите, сознайтесь: откуда?

Проклиная себя за остановку у плетня, женщины молчали.

— Пойдем, что ли! — упрямо встряхивая волосами, сказала Гласова. — Раз им жалко кружку молока продать, не будем упрашивать! — И шагнула в сторону дороги.

— Стой! — во всю глотку закричал Кней. — Я тебе дам «па-а-айдем»! Откуда, говорите? Ну? С заставы, верно? — И он ухмыльнулся, довольный догадкой...

...После долгих мытарств по фашистским застенкам, после побоев, издевательств женщины были отправлены на жительство под надзором в Скоморохи. Их приютила семья бывшего счетовода колхоза Петра Баштыка.

От него женщины узнали, что красный флаг над заставой развевался до 2 июля. Лишь в этот день вражеские саперы с помощью подкопа подвели к зданию большую мину, и грохот взрыва потряс остатки дома, подымая вверх целые куски его фундамента и огромный столб кирпичного крошева.

Потом все затихло, и ни одного выстрела в районе фольварка жители больше не слышали. Фашисты строго-настрого запретили населению приближаться к заставе.

Холодной осенней ночью в это страшное время установления «нового порядка» на землях Сокальщины Евдокия Гласова решила пробраться к развалинам заставы. Вместе с ней туда отправились Петр Баштык и Погорелова. Первым через окошко прыгнул в подвал Петр Баштык. Он помог спуститься туда и женщинам.

Полуистлевшие матрацы были завалены обломками кирпича. Доски, на которых некогда спали пограничники, были разбиты. Чиркая спичками, Петр Баштык помог Гласовой пролезть в узенькую дыру в стене, в тот самый отсек, где она оставила тело своего мужа.

В полной темноте Гласова сломала одну за другой несколько спичек. Наконец ей удалось зажечь огарок церковной свечки. Пламя, растопляя воск на фитиле, увеличивалось, и при его дрожащем, зыбком свете Гласова нашла тело мужа. Все еще была забинтована простыней его голова. Почти вся одежда ислела.

Гласова осторожно приподняла легкое, почти невесомое тело мужа. В одном из карманов она нашла плотный кожаный бумажник. В нем партийный билет и алое, покрытое темными пятнами крови воинское удостоверение младшего политрука пограничных войск НКВД Павла Гласова. Здесь же была и кандидатская карточка ленинградца Галченкова.

Все эти документы Евдокия Гласова сберегла в потаенном месте. Как только в июле 1944 года авангардные части Советской Армии ворвались в Сокаль, отбрасывая гитлеровцев дальше за Буг, она разыскала прибывшего вместе с передовыми частями 1-го Украинского фронта нового секретаря Сокальского районного комитета партии и вручила ему два партийных документа коммунистов-пограничников.

В ту же осеннюю ночь 1941 года ей удалось с помощью Петра Баштыка вытащить тело мужа из-под развалин заставы и похоронить его на старинном сельском кладбище.

...После того как стаял снег с полей, 25 апреля 1942 года жены пограничников пришли сюда снова.

Семь могил разрыли Погорелова и Лопатина в поисках своих близких. Погорелова ходила и к мосту возле хутора Ромуш. Но найти труп мужа ей не удалось.

В лощине около заставы, где некогда Алексей Лопатин переговаривался с крестьянками из Скоморох, приползшими с хлебом для пограничников, женщины заставы нашли большую братскую могилу...

Они опознали, а потом перенесли прах лейтенанта Алексея Васильевича Лопатина на старинное сельское кладбище и похоронили его под кустом сирени, рядом с политруком Павлом Гласовым.

Обе могилы, как и повсюду на Украине, сейчас покрывает густой пеленой стелющийся низко по земле барвинок. У него блестящие темно-зеленые листочки. Весной в густой зелени барвинка появляются кое-где голубые цветочки. Они похожи на чистое, безоблачное небо, что сияет над Западным Бугом.

...Наша машина мчится по тому самому большаку, по которому некогда вез арестованных женщин заставы из Стенятина в Сокаль украинский националист Иван Кней.

— Вот здесь он ударил меня прикладом! — вспоминает сидящая рядом со мной в машине Евдокия Гласова.

Около нее русая, с туго заплетенными косичками Люба, школьница одной из семилеток Сокаля. Напротив — Евдокия Погорелова.

Вскоре машина минует широкое убранное поле с высокой копной соломы. Рядом, на открытом полевом току поыхивает локомотив. Возле молотилки в тучах пыли, быстро уносимой ветром, суетятся сельские девчата с лицами, прикрытыми от солнца белыми хустками.

Гласова внимательно следит за молотбой, но глаза ее часто обращаются налево, туда, где ближе к границе краснеет на холме гряда кирпичных развалин — все, что осталось от 13-й заставы.

Мы взбираемся на гору кирпича, и я нахожу в этом крошечке две патронные гильзы. В одной из них еще цел капсюль. Это остаток боевого запаса, который рвался после взрыва мины и пожара. Капсюль другой гильзы, ржавой, наполовину забитой глиной, сильно расплюсчен бойком. Кажется, что в этом сильном ударе по капсюлю скрыта частица большой ярости бойцов к врагу, вероломно напавшему на Советскую страну.

Кто стрелял этим патроном? Ивановец Песков? Дариченко? Давыдов? Добродушный толстяк Косарев? Или, может быть, юноша из Ленинграда Галченков?

Вокруг нас шумели прибугские леса, и за свинцовой полоской реки желтели поля братской нам Польской Народной Республики.

Славик и Толя Лопатины за эти годы выросли, получили военное образование и пришли служить офицерами пограничных войск на ту же самую западную границу, где в первые дни войны пал смертью храбрых их отец.

Именем Героя Советского Союза Алексея Лопатина названа не только застава на советской земле, но и одна из застав братской нам Болгарии. Его имя носит одна из улиц старинного Львова. Все живет его подвигом на заставе, которая встречает путника транспарантом: «Будем достойны подвига лопатинцев».

Пограничники, которые пришли служить сюда, посадили на заставе вишневую аллею в честь славного подвига своих предшественников. Весной деревья покрываются нежным белым цветом, а ближе к середине лета на них алеют сочные ягоды. Никто не срывает их — такая сложилась традиция. Они постепенно падают на землю и краснеют под деревьями, словно капли крови, которой некогда оросили эту землю герои пограничники...

ЗАРЕВО НАД ПЕРЕМЫШЛЕМ

Мы сидим недалеко от Перемышля — города тысячелетней давности, возле советско-польской границы, с подполковником пограничных войск Александром Тарасенковым. На висках у Тарасенкова густо пробивается седина. Его сухощавое лицо прорезывают морщинки. А четыре ордена Красной Звезды и боевые медали, украшающие грудь офицера, говорят нам, что войну он прошел честно, не щадя ни сил, ни своей крови. Боевой путь Александра Тарасенкова начинался как раз на узких улицах Перемышля, где накануне Великой Отечественной войны он служил политруком пограничной комендатуры, расположенной в самом центре города.

Вечером 21 июня Александр Тарасенков сдал дежурство по комендатуре и вышел на улицу. За несколько минут до сдачи им дежурства — это Тарасенков запомнил точно — советские пограничники пропустили, а немецкие приняли на свою сторону товарный поезд, груженный строевым лесом, который шел в Германию из Советского Союза согласно договору о взаимных поставках.

Немецкие пограничники досматривали поезд с такой же тщательностью, с какой несколькими днями раньше гробы с останками немецких солдат, погибших в боях с польскими войсками под Перемышлем и в окрестностях его в сентябре 1939 года.

История «переселения» немецких трупов весьма примечательна. На территории Западной Украины и Западной Белоруссии, по приблизительным подсчетам, было похоронено около двух тысяч гитлеровцев. Для раскопки их могил и отправки трупов в Германию на советскую территорию было допущено полтораста германских подданных. В основной своей массе это были люди солидного возраста, лет по пятидесяти каждому. Командовал ими штатский, как довольно быстро выяснилось, опытный разведчик абвера в чине генерала. И хотя большинство немцев носило форму простых солдат гитлеровской армии, скоро стало известно, что это либо материе разведчики, либо курсанты разведывательных школ рейха. Извлекая из могил трупы своих соотечественников и перекладывая их в цинковые гробы, гитлеровцы всячески пытались установить, какие военные советские гарнизоны расположены поблизости.

...Идея от комендатуры по набережной к себе домой, политрук Тарасенков заметил в толпе гуляющих на противоположном немецком берегу Сана двух гитлеровских военных. Они шли по Кляшторной улице к Сану и повернули направо, к набережной Костюшко. С высоко поднятыми подбородками, лениво размахивая стеками, они смотрели из-под лакированных козырьков фуражек поверх встречных прохожих, и те, зная, что с оккупантами шутить опасно, давали им дорогу.

Политруку Тарасенкову показалось, что у гитлеровцев генеральские погоны.

У разрушенного гужевого моста они остановились, и тот, что был ростом повыше, оглянувшись вокруг, стал объяснять что-то своему спутнику, указывая стеком на советскую сторону. Но вдруг второй, что пониже, встретился взглядом с Тарасенковым. Немец тронул за локоть своего высокого спутника, и они пошли дальше, мимо разрушенного моста, все тем же ленивым, прогулочным шагом...

В тот же вечер Тарасенков встретил старшего лейтенанта Паливоду. Все пограничники любили этого веселого, общительного командира с волевым загорелым лицом.

— Сдали дежурство, Александр Алексеевич? — спросил Паливода у Тарасенкова, крепко пожимая руку политрука. — Так, может, мы на рыбалку сходим? Артель подбирается хорошая...

Давний любитель рыбной ловли, Тарасенков охотно принял предложение Паливоды.

...С мыслью о рыбной ловле Тарасенков поднялся в свою квартиру и распахнул окно.

Погода стояла хорошая, будущий день обещал быть безоблачным.

...Ровно в 4 часа утра вспышка орудийного залпа внезапно озарила Засанье и склоны Винной горы. Прошелестев в небе, тяжелый немецкий снаряд со страшным грохотом разорвался на советской стороне, вблизи почтамта. Сперва кое-кто подумал: «Быть может, случайность, ошибка?» Далеко за Винной горой у гитлеровцев был артиллерийский полигон. Нередко они начинали там стрельбу на рассвете.

«А быть может, опять взорвались артиллерийские склады?» — подумали другие, мгновенно вспоминая, как совсем недавно, ранней весной, по невыясненной причине стал рваться боезапас в казармах нашей воинской части, расположенной на шоссе из Перемышля в Медыку. Тысячи окон были выбиты тогда в домах Перемышля.

Но когда спустя минуту другие снаряды стали рваться в разных районах Старого города, на территории комендатуры и заставы лейтенанта Потарыкина, расположенной в центральной части Перемышля, тревожное, холодное слово «война» отныне вошло в сознание каждого пограничника.

С первых же попаданий загорелись штабы военных частей, казармы, и вскоре зарево пожара поднялось над холмами Перемышля.

В канонаду влетался нарастающий гул самолетов: Клейменные черными крестами гитлеровские самолеты пересекали линию Сана и волнами летели в глубь советской земли.

Тысячи немецких бомб обрушились с воздуха на орудия, военные склады и бойцов советских артиллерийских частей, что располагались на восток от Перемышля. Теперь-то для многих стало ясно, почему с такой настойчивостью и повышенным любопытством разыскивали своих мертвых соотечественников именно в этих районах гитлеровские искатели троп...

...В нарастающем грохоте войны бойцы всех пограничных застав заняли свои места вдоль Сана.

Самым важным боевым объектом на участке был расположенный в центре города железнодорожный мост, соединяющий линию Львов — Краков. Начальник штаба комендатуры старший лейтенант Бакаев послал в дот, построенный у обочины дороги, неподалеку от моста, четырех пограничников.

К мосту была послана 14-я застава под командой лейтенанта Нечаева. Ей приказали оседлать мост и не позволить противнику переправляться на советскую сторону. К мосту были брошены также пограничники заставы лейтенанта Потарыкина. Одну из групп пограничников повел начальник клуба погранотряда политрук Евгений Краснов, живший рядом с заставой.

Через мост и вброд по неглубокому Сану в серой мгле, затянутой дымом пожаров, пошли густые цепи гитлеровцев. Другие переправлялись на советскую сторону по воде, на резиновых надувных лодках.

Группа политрука Краснова и пограничники лейтенанта Нечаева добежали до моста, когда на нем уже показались первые гитлеровцы.

В грохоте орудийной канонады, освещаемые вспышками выстрелов, гитлеровцы развернутым строем бежали по мосту.

— Огонь! — раздалась команда Евгения Краснова.

Открыли огонь и нечаевцы.

Минута, другая — и на пути у гитлеровцев образовались горы трупов их солдат. Несколько раз дело доходило до рукопашных схваток.

Немцы пробуют добраться хотя бы до середины моста, но убийственный огонь пограничников пресекает их бег. Как ни стараются немецкие артиллеристы, ведя прямой наводкой огонь из орудий малого калибра по советской стороне, им не удается подавить огневые точки пограничников.

...Свыше двух часов отбивали воины в зеленых фуражках врага, пытавшегося оседлать мост. Наконец семь гитлеровцев, видимо, специально отобранных для захвата моста, перебираются слева вброд на наш берег. Они подбегают к железнодорожной будке.

Четверых фашистов лейтенант Нечаев срезает очередь из автомата. Три эсэсовца бросаются к нему.

Нечаев выхватил гранату, однако враги были уже так близко, что он даже размахнуться не успел. Граната взрывается у него в руке. Два фашиста были убиты, один тяжело ранен.

Пулеметчик Кузнецов, отличный плясун, участник окружного ансамбля песни и пляски, бросается к смертельно раненному лейтенанту Нечаеву, поднимает его и хочет унести в железнодорожную будку, но Нечаев слабеющей рукой указывает ему на мост и шепчет:

— Беги туда. К пулемету. Бей эту сволочь!..

Кузнецов повинуется предсмертному приказу командира. Он бежит на мост, с разбегу падает у «максима» и начинает косить фашистов, которые, воспользовавшись замешательством, уже бросились было к нашему берегу. Пулемет заело. Задержка!

Пока Кузнецов окровавленными руками пробует устранить задержку, шесть бойцов вместе с политруком Евгением Красновым ведут огонь из автоматов.

— Держаться до последнего патрона! — приказывает Краснов.

Но патроны на исходе. Все гранаты брошены на немецкую сторону моста. Краснов перезаряжает последний диск автомата. В это мгновение гитлеровцы бросаются в рукопашную. Вот они уже на нашей стороне. Один из гитлеровцев бьет Краснова тесаком. Смертельно раненный политрук падает на залитые кровью доски моста. Но в это время опять заработал пулемет Кузнецова, и к мосту стали подползать новые подкрепления из резерва комендатуры.

И на этот раз атака гитлеровцев была отбита.

Пока основные силы пограничников не давали врагам захватить мост, лейтенант Потарыкин удерживал свой участок. Оказавшийся в городе к началу боев политрук 18-й заставы Виктор Королев был назначен политруком заставы Потарыкина и командовал третьей группой пограничников, оборонявших участок на берегу Сана. Берега реки были усеяны трупами гитлеровцев, но нигде им не удавалось пробиться на советскую сторону.

Немецкие командиры нервничают и гонят в бой все новые роты, чтобы уложиться в составленный высшим командованием график «блицкрига».

Артиллерия противника усиливает огонь. Снаряды все чаще рвутся в кварталах Старого города. Связь комендатуры с заставами давно прервана. Население попряталось в подвалы и лишь самые отчаянные смельчаки следят за ходом боя, перевязывают раненых. Тяжелый снаряд попадает в угол здания комендатуры, вздымая облако розовой пыли.

Потерпев поражение на железнодорожном мосту, гитлеровцы решили переправиться через Сан у села Пралковцы. Но и там пограничники заставы, которой командовал лейтенант Жаворонков, отбили вражеский натиск и завалили фарватер Сана трупами гитлеровцев. Тяжело раненный политрук Молчанов залег у пулемета и, пока не была отбита атака гитлеровцев, не прекращал огня.

...Пограничный наряд, которому было поручено вести боевое наблюдение в тенистом парке под Замковой горой, заметил, что через Сан на надувных лодках переправляется группа людей в гражданской одежде.

Политрук Тарасенков сообщил о появлении неизвестных командир у Перемышльского пограничного отряда майору Тарутину.

— Отогнать или захватить живьем! Но огонь первыми не открывать! — приказал Тарутин.

Старший лейтенант Бакаев вместе с Тарасенковым возглавили группу пограничников, направленную вслед за неизвестными нарушителями.

Пятнадцать пограничников осторожно пробирались кустами по саду. Они приблизились к аллее, усаженной высокими кедром. Аллея круто шла в гору. Они пересекли ее, попали на липовую аллею и, миновав развалины старинного замка королевы Ядвиги, услышали шум и пение на веранде летнего ресторана, расположенного на склоне Замковой горы, там, где сейчас стоит памятник Тадеушу Костюшко.

Звон бокалов и хриплые выкрики «хайль Гитлер!» окончательно рассеяли сомнения: то не беглецы от гитлеровцев, а матерые головорезы-диверсанты переправились на советский берег. Твердо уверенные в успешном исходе войны, они оккупировали расположенный на отшибе летний ресторан.

Пограничники полукольцом охватывают ресторан, и командир отделения Копылов, выдвинувшись вперед, требует, чтобы гитлеровцы сдались.

Верзила в зеленой шляпе с фазаньим перышком, прищурив глаза, некоторое время тупо смотрит на Копылова, а потом, вскинув черный автомат, дает короткую очередь.

Одна из пуль пробивает Копылову левое плечо, и он падает под старую липу.

Тут шквал меткого огня пограничников карает пирующих захватчиков.

Скрываясь за толстыми стволами старых лип, пограничники открыли прицельный огонь по ресторану. Незванные посетители ресторана пытаются спрятаться за стойкой буфета, но пули, прошивая фанеру, находят их повсюду.

Наступает полдень. Радио приносит из Москвы в дымный, пылающий Перемышль тяжкое слово «война». Все становится ясным: отныне возврат к мирным дням возможен только после окончательно разгрома врага.

В то утро пограничники были единственной военной силой в Перемышле. Регулярные части гарнизона незадолго перед вторжением ушли на маневры. Именно поэтому, теснимые во много раз превосходящими их отборными гитлеровскими войсками, бойцы и офицеры пограничной комендатуры Перемышля вынуждены были к вечеру кое-где отойти от набережной.

Уже после полудня советские войска, подтянутые из лагерей, занимают оборону километрах в шести за городом, начинают рыть окопы, устанавливая орудия. Примерно часов в шестнадцать по позициям немцев в Засанье открывает огонь полевая артиллерия. Ближе к вечеру и тяжелые орудия, занявшие позицию между Нижанковичами и Добромилем, поддеживают огнем пограничников.

Веда жестокие уличные бои, первые уличные бои Великой Отечественной войны — предвестники будущих трудных схваток на улицах Одессы, Севастополя и Сталинграда, пограничники Перемышля к вечеру получили приказ отойти на перегруппировку в район городского кладбища. Связь со штабом к этому времени была уже прервана, и защитники Перемышля еще не знали тогда, что по приказу, полученному из Львова, основные силы пограничников еще в 14.30 отошли на юго-восток, в район Нижанковичей.

Ворвавшись в Перемышль, гитлеровцы освободили из тюрьмы уголовников и украинских националистов. Те начали грабить население и магазины. Отпетые бандиты убивают жен и детей советских и партийных работников. Две националистские фашистские «боевки» были переброшены в засаду, на дорогу, идущую из Перемышля в Нижанковичи. Из придорожных хлебов и кустарников эти молодчики обстреливают бредущих по дороге на восток женщин и детей. Одна из пуль настигает выехавшего на оперативное задание старого пограничника, работника государственной безопасности Александра Чекушина. Обливаясь кровью, он валится на дорогу.

В это же время гитлеровцы сбросили воздушные десанты в районе Медыки и Трускавца. Там их уничтожили местные колхозники-украинцы.

Среди лиц, выпущенных гитлеровцами из тюрьмы, был и командир артиллерийской части, в которой незадолго перед вторжением произошел взрыв боезапаса. Его обвиняли в халатности, в несоблюдении правил хранения взрывчатых веществ. И вот в то время, как соседи по камере — отпетые уголовники и украинские националисты ринулись грабить магазины и мирное население, командир-артиллерист прорвался в свою часть, расположенную восточнее Перемышля, и буквально со слезами на глазах стал просить ее командира дать ему возможность искупить свою вину. Его направили в батарею, и оружие, которым он командовал, причинило немцам немало бед.

...Как только гитлеровцы ворвались в Перемышль, командующий частями вторжения на этом участке генерал Штрейцлер назначил своего зятя бургомистром города. Но недолго поцарствовал в этом старинном городе генеральский зятек.

...Возле кладбища остатки маневренной группы под командованием старшего лейтенанта Паливоды соединились с бойцами комендатуры, которых привел Тарасенков. Сюда пришли также одиночные бойцы и офицеры из гарнизона, не ушедшие на маневры, и железнодорожники, и покинувший город одним из последних секретарь городского комитета партии Орленко. Были здесь и директор городского краеведческого музея — женщина, ставшая медицинской сестрой, и работники советских учреждений. В общей сложности здесь собралось около 230 человек, способных владеть оружием. Все они

были включены в сводный пограничный батальон. Костяком этого батальона явилась городская пограничная застава Потарыкина.

К вечеру в батальон приехал на машине генерал-майор Красной Армии. Когда ему докладывали о том, что происходит в городе, ветер донес из дымного Перемышля звуки пулеметной стрельбы. Как потом выяснилось, это вели огонь из дота на берегу Сана засевшие там по приказу старшего лейтенанта Бакаева четверо пограничников. Они по-прежнему отгоняли немцев от моста.

Генерал прислушался к стрельбе и сказал:

— Гитлеровцев из города выбить и восстановить границу по Сану. Командовать сводным пограничным батальоном приказываю старшему лейтенанту Паливоде. Комиссаром отряда назначаю политрука Тарасенкова. Придаю вам еще пулеметную роту. Поддержку огнем своей артиллерии. Гражданское население эвакуировать в тыл. В первую очередь — женщин и детей. Материальные ценности, которые нельзя увезти, сжечь. Выполняйте приказ!

Паливода связался с майором Тарутиным, и тот подтвердил приказ генерала.

В ночь на 23 июня, когда основная масса бойцов готовилась нанести противнику решительный удар, несколько наиболее отважных, ловких пограничников были посланы на разведку в город.

Трижды в течение ночи пробирался в кварталы, занятые гитлеровцами, писарь и переводчик комендатуры Богданов. Он хорошо говорил по-немецки и имел много знакомых и друзей среди местного населения. Ему удалось проникнуть в штаб гитлеровской части. Богданов убил двух штабных офицеров, захватил их форму, документы, карты и все это доставил Паливоде. Во время вылазок в город Богданов установил расположение частей противника, занявших Перемышль, и места огневых точек.

Храбрый разведчик, один из самых первых и самых смелых разведчиков Великой Отечественной войны, Богданов под утро ушел в четвертый поиск, но наскочил на засаду. Отстреливаясь от нападавших фашистов, он стал отходить и погиб в этой уличной схватке от осколков гранаты, брошенной на него с крыши.

Политрук Виктор Королев вместе с пограничником Морозовым, переодевшись в гражданское платье, проникли в город со стороны бойни. Их глазам представилось страшное зрелище. «Победители» грабили магазины, частные квартиры, тут же на улицах расстреливали евреев.

В 9 часов утра, располагая сведениями о противнике, добытыми Богдановым, Королевым и другими разведчиками, пограничный батальон приступил к выполнению поставленной ему боевой задачи.

Занявшая Перемышль 101-я немецкая дивизия, входившая в группу армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал Рундштедт, приводила в порядок свои части и подразделения, сильно

потрепанные при переправе через Сан. На главных магистралях города — по улицам Словацкого и Мицкевича — немцы установили орудия и пулеметы. Из них можно было простреливать все подступы к Средместью.

Очень сильно был укреплен центр Средместья — район Пятя Углов. На каждом из углов было по два пулеметных расчета. В центре, на площади, стоял тяжелый танк, а все подвалы прилегающих к площади домов были превращены за ночь в доты.

Старший лейтенант Паливода правильно распределил свои силы: часть батальона стала охватывать город с северо-востока, от села Вовче, там, где Сан образует большую излучину, а другая часть — с юго-запада, спускаясь в Средместье по склонам Замковой горы через тенистый парк. Обе группы должны были соединиться в самом центре города.

Всю ночь гремел военный оркестр в том самом летнем ресторане вблизи развалин замка королевы Ядвиги, где накануне бойцы старшего лейтенанта Бакаева уничтожили диверсионную группу. Денщики подтерли кровь, доставили сюда запасы спиртных напитков и закусок, и пир шел горой. Как раз в те минуты, когда утомленные и пьяные музыканты выдували из своих сияющих инструментов томное танго «Айн таг фюр ди либе» («Один день для любви»), неожиданный взрыв гранаты оборвал затянувшийся кутеж.

Ресторамчики и магазины, рынок возле городской ратуши, старинные дома площади На Браме также были переполнены веселящимися гитлеровцами. Подобно карающей молнии, бойцы батальона Паливоды врвались туда и били ошалелых фашистов чем попало: то из автоматов, то штыками, а нередко дубовыми стульями, скамейками, ломами.

Одновременно советские артиллеристы еще сильнее стали обстреливать Засанье. Они взяли в вилку казармы двух полков немецкого гарнизона под Винной горой и повели беглый огонь по всему расположению военного городка.

Снаряды попали в нефтехранилище, уничтожили большие запасы немецкого горючего. Все Засанье заволкло густым дымом пожара.

Несколькими снарядами был разрушен гестаповский застенок, находившийся рядом с магистратом. Охранники-эсэсовцы стали разбегаться.

В этом застенке находился чех с Волыни Богумил Капка, боец Интернациональной бригады, сражавшейся с фашистами в Испании. Через территорию, занятую гитлеровцами, он пытался пробраться к себе на родину, в Волынскую область, на советскую сторону, но был захвачен гестаповцами. Теперь, под гул артиллерийской канонады, воспользовавшись паникой, Капка вместе с другими узниками вырвался из застенка и, переплыв Сан, очутился на советской стороне, в самой гуще боя.

Сильно укрепленный немцами район Пяти Углов сковывал продвижение пограничников к Сану. Взять его штурмом было очень трудно.

Был в отряде руководитель общеобразовательной подготовки офицер Лымарь. Учитель по профессии, в мирное время он казался тихим, неспособным к строевой службе человеком. Теперь же не кто иной, как Лымарь, первым вызвался разрушить главный опорный пункт обороны противника вблизи Пяти Углов. Он захватил с собой четверых бойцов, много гранат и с тыла забрался на крышу четырехэтажного дома, что выходил фасадом на площадь Средместья. Сопровождавшие его бойцы перебрались на соседние крыши. По условленному знаку сверху, с крыш, на пулеметные расчеты врага полетели связки гранат. Пулеметы врага замолкли. Начался штурм опорного пункта Пяти Углов. Тяжелый танк с подбитой гусеницей стал разворачиваться на месте. Из него, выбрасывая в стороны гранаты, выскакивали гитлеровцы. Одну из гранат сумел схватить на лету политрук Виктор Королев и швырнул ее обратно в танкистов.

Немецкий корректировщик, засевший на чердаке костела, близ набережной, попытался было направлять огонь немецких батарей в места скопления пограничников. Его заметили советские артиллеристы и прямым попаданием в костел заставили замолчать.

За ночь гитлеровцы установили пулеметы на островерхих башнях гарнизонного костела и теперь вели оттуда сверху прицельный огонь по площади Рынок и Кафедральной улице. Виктору Королеву приказали снять гитлеровцев, забравшихся на крышу храма. Вместе с четырьмя пограничниками, прижимаясь к стенам домов, используя мертвое пространство, он подобрался к дверям костела. Окованные железом и закрытые наглухо, они не поддавались. Пулеметные очереди, доносившиеся с высоты, заглушали удары прикладов, которыми пограничники безуспешно пытались разбить старинные двери костела.

Королев огляделся. Над балконом соседнего дома свисал гитлеровский флаг со свастикой. «А что, если взобраться на чердак этого дома да и шарахнуть из слухового окна по немецким пулеметным расчетам на костеле?» — подумал политрук.

Из соседней подворотни вынырнула вихрастая голова любопытно-го паренька лет четырнадцати. Перестрелка не мешала ему сочувственно следить за действиями пограничников.

— Эй, пацан,— окликнул паренька Королев,— кто здесь живет?

— Его эксцеленция... Епископ... — буркнул паренек, с опаской поглядывая на окна соседнего дома.

...Долго не открывали. И лишь когда Королев дал из автомата очередь по дверям епископской резиденции, из окна выглянула перепуганная бледнолицая монашка в белой шляпе с растопыренными полями и сказала, что в здании никого нет.

— Открывайте, посмотрим! — приказал Королев.

В подвале здания пограничники обнаружили седого епископа греко-католической церкви Иосафата Коцыловского. Он спрятался в мягком кресле под неоштукатуренными кирпичными сводами подвала, видимо, желая переждать здесь обстрел. Его окладистая борода закрывала грудь. Когда Королев потребовал от епископа ключи от соседнего гарнизонного костела, Коцыловский заявил, что это уже не его парафия, что гарнизонный костел и соседняя латинская кафедра подчинены римско-католическому епископату, а он — глава греко-католической украинской церкви, в Перемышле.

Разгоряченные уличными боями, Королев и его товарищи не очень-то разбирались в тонкостях религии. Не знали они еще тогда, что Иосафат Коцыловский, в прошлом австрийский офицер и бывалый разведчик, первым в Перемышле, как только гитлеровцы переправились через Сан после полудня 22 июня, вывесил с балкона своего дома гитлеровское знамя со свастикой и желто-голубой флаг украинских националистов с «трезубом». Однако вид столов в подвале, покрытых белоснежными скатертями, уставленных винами и закусками, прямо говорил, для кого все это предназначено. И Королев, вытирая пот со лба, зло бросил, указывая на столы:

— А это ваша парафия, пане епископ? Для гитлеровцев закусочку приготовили? И выпивон? Не поторопились ли случайно? Время летнее. Могут протухнуть ваши запасы.

Тяжело дыша, епископ молчал. Да и что мог сказать он советским воинам, этот прожженный иезуит, припертый к стенке очевидными фактами и уже полностью разоблаченный гитлеровским флагом, что трепетал над его балконом? С улицы доносились пулеметные очереди. Пришлось оставить епископа с его яствами и продолжать выполнять боевое задание... Вскоре пулеметы на костеле замолчали...

...Сперва казалось, что путь к набережной уже открыт. Но после нескольких перебежек обнаружилось, что и за улицей Рея из одноэтажного особняка около крепости немцы ведут огонь из двух пулеметов. Пограничники Королева подползли со стороны парка к дому незамеченными. В окна особняка полетели гранаты. Пулеметы замолчали.

Предвидя неминуемую гибель, гитлеровцы ближе к вечеру начали вброд переправляться через Сан обратно.

Тут, откуда ни возьмись, ожила огневая точка заставы Нечаева, в уступе скалистого берега Сана, правее железнодорожного моста.

Когда во второй половине дня 22 июня фашисты стали просачиваться в город, сюда, захватив с собой пулемет, прыгнули пограничники Ткаченко, Ржевцев и Водопьянов. Они решили беречь патроны и открывать огонь лишь в случае крайней необходимости. Теперь же, услышав радостную музыку контрудара, они поняли, что этот час наступил.

Просматривая почти все течение Сана в районе Перемышля и особенно вражеский его берег, освещенный закатным солнцем, пограничники, не жалея последних патронов, разили кинжальным огнем удиравших в Засанье гитлеровцев.

Немецкий пулемет, установленный на втором этаже углового дома по улице Рейтана, не только простреливал всю улицу Словацкого до самой окраины города. Пулеметный расчет гитлеровцев мог прикрывать огнем подступы к площади На Бrame и мешал соединению в Средместье двух наступающих с разных сторон групп сводного отряда Паливоды.

Как бы повторяя подвиг Лымаря, боец-комсомолец Щербицкий пробрался в этот угловой дом по соседним крышам. Он спустился в квартиру по пожарной лестнице и, заколов штыком одного из пулеметчиков, выбросил второго гитлеровца вместе с пулеметом через окно на мостовую.

Отличный гранатометчик старшина Мальков, спустившись по улице Фредро с Замковой горы на Рынок, точными бросками гранат уничтожил несколько захватчиков.

Когда накануне пограничники с боями отходили в район городского кладбища, комсомолец Парфенов отстал от своих и до последнего патрона оборонял городскую электростанцию. Всю ночь провел Парфенов в здании электростанции, но на рассвете его обнаружили эсэсовцы, заглянувшие в машинное отделение. Одной гранатой он уложил обоих, но взрыв привлек внимание немцев, которые открыли световые люки и начали сверху бросать гранаты в машинное отделение.

У Парфенова оставалась только одна граната.

«Поберегу ее для себя,— думал он.— Полезут вниз — сам подорвусь, но и их, гадов, переблю, а живым в руки не дамся!»

В эти решающие минуты, на грани жизни и смерти, Парфенов услышал за стенами станции отголоски снова вспыхнувшего уличного боя. Он выскочил на улицу, швырнул последнюю гранату в зазевавшихся гитлеровцев, не ожидая появления советского пограничника в самом центре города, и схватив у одного из подбитых им немцев автомат, действуя в одиночку, долго еще вел огонь из Средместья.

К вечеру 23 июня почти все гитлеровцы были выбиты из центральной части Перемышля. Лишь кое-где раздавались их одиночные выстрелы с чердаков. Навстречу запыленным воинам в зеленых фуражках выбегали местные жители. Со слезами на глазах бросались они к своим освободителям, звали к себе в квартиры. Хозяйки готовили еду и грели воду, чтобы после жаркого, напряженного дня советские бойцы могли помыться и поесть. Благодаря помощи местного населения было организовано питание бойцов и командиров сводного отряда. Всех раненых тоже разместили по

частным квартирам. Заботливые перемышлянки вместе с врачами города много сделали для того, чтобы поскорее возвратить в строй всех тех, кто был ранен в уличных боях.

Вместе с пограничниками изгоняли гитлеровцев из города советские и партийные работники. Среди них можно было видеть секретаря городского комитета партии Орленко. Коммунисты городской партийной организации были вместе с пограничниками в первых рядах. Они первыми шли в атаку на дома, в которых засели немцы, а когда захватчики были отброшены за Сан, принялись налаживать нормальную жизнь в городе. Вместе с пограничниками коммунисты города вошли в здание государственного банка.

Как оказалось, разграбить его немцам не удалось.

Фашистские отряды приблизились к зданию банка к вечеру 22 июня. Когда стрельба в центре города утихла, вооруженные до зубов эсэсовцы стали колотить прикладами автоматов в двери банка. К этому времени управляющий отделением банка Васильев вместе со своей семьей уже перебрался в служебные банковские помещения. Отказываясь впустить эсэсовцев, он перебегал от окна к окну, стреляя из нагана и создавая видимость, что в здании находится несколько вооруженных бойцов. Очередями из автоматов немцы в нескольких местах пересекли оконные рамы, но так и не смогли до утра выломать решетки и железные двери этого старинного, похожего на крепость, банковского здания, которое еще во времена австро-венгерской монархии было укреплено от воров и взломщиков.

В течение всей этой тревожной ночи Васильев вместе со своими близкими сжигал секретную переписку, ценные бумаги и деньги. С последними было труднее всего: новые, спрессованные в пачки, денежные купюры горели плохо. До рассвета Васильеву удалось сжечь не более 50 тысяч рублей. А утром, как только советские пограничники вместе с воинами регулярных частей Красной Армии прорвались до Сана, все ценности были погружены на два грузовика и под охраной увезены в тыл. Среди честных банковских служащих, спасших для страны несколько миллионов рублей и другие ценности, кроме Васильева и его жены, были сотрудницы таможни. Особенно отличилась в эту ночь, охраняя банк изнутри, бесстрашная украинская женщина — старший кредитный инспектор Божко.

...Плача от счастья, чех Богумил Капка, несмотря на артиллерийский обстрел, носился по улицам города, целовал бойцов сводного батальона, показывал им следы гестаповских пыток на своей спине. Он был пулеметчиком в Интернациональной бригаде, сражавшейся в Испании под Брунете, Белетрите, в горах Арагона, на берегах Линареса, и требовал сейчас, чтобы ему и здесь дали пулемет.

— Ладно, браток! Успокойся и отдохни немного. А мы пока за тебя фашистов будем бить! — успокаивал его старшина Федотов. — Иди поешь да отдохни малость. А то какой из тебя сейчас вояка?

Старшина Федотов привел Богумила Капку к своим знакомым, которые жили в доме На Бrame. Там чеху дали помыться, переодели его в обычный гражданский костюм и пригласили пообедать. Немного успокоившись, Капка попросил разрешения уйти на полчаса, пока варится обед, и вернулся нагруженный бутылками с вином. Где ему удалось добыть их, никто не знал.

После двух бокалов вина, когда в кругу этой маленькой семьи были провозглашены тосты за Красную Армию, Богумил Капка рассказывал гостеприимным перемышлянам о том, как он дрался с фашистами в Испании. Он пел песни Интернациональной бригады. Видно было: счастье неожиданной свободы переполняло его.

Как удалось мне выяснить в самом Перемышле уже осенью 1958 года, две большие группы пограничников во время решительного контрудара прорвались с развернутым красным знаменем в Засанье и стали громить гитлеровцев в окопах, вырытых на склонах Винной горы. Почти все пограничники погибли там, на немецком берегу, но нанесли значительный урон немцам.

Большинство пограничников по приказу старшего лейтенанта Паливоды заняли вновь позиции на Сане. Бойцы рыли дополнительные окопы, восстанавливали порванные вражескими снарядами проволочные заграждения.

На площади Рынок, чуть ниже памятника Мицкевичу, поздним вечером 23 июня пограничники с помощью населения похоронили с воинскими почестями героев первых боев за город.

Как только на холмы Перемышля опустилась темнота, пограничники мобилизовали весь городской транспорт и стали отправлять женщин и детей.

Они вывезли все детские дома, продовольственные склады, архивы учреждений.

Штаб Паливоды расположился в здании районной милиции, но уже утром 24 июня артиллерия гитлеровцев нащупала его, и пришлось перекочевать в здание типографии, метровые стены которой могли выдержать даже прямые попадания снарядов.

Тем временем пограничная рота, которой командовал лейтенант Потарыкин, разместилась в конторе городского жилищного управления, напротив школы Мицкевича.

Лейтенант Потарыкин узнал, что в доте у железнодорожного моста по-прежнему находятся четыре пограничника, посланные туда в первые минуты войны Бакаевым. Когда пограничники вынуждены были отходить, четыре храбреца, засевшие в доте, мешали гитлеровцам наступать, а затем, когда враги откатывались через Сан, бойцы дота косили их из пулемета. Рано утром 23 июня, еще до начала контрудара, один из немцев подполз к амбразуре дота и предложил советским воинам сдаться, но в ответ на его предложение последовала пулеметная очередь.

Пробраться к этому отдаленному доу было опасно — подступы к нему простреливались из Засанья, но тем не менее, когда стемнело, лейтенант Потарыкин послал защитникам маленькой комсомольской крепости боеприпасы и продукты. До сих пор, к сожалению, неизвестны фамилии героев — защитников дога, которые и после второго отхода пограничников продолжали вести огонь по гитлеровцам. Сколько дней они держались? Погибли ли с оружием в руках или замучены в фашистской неволе? Все эти вопросы предстоит еще изучить нашим историкам.

В последующие дни обороны Перемышля, до 27 июня включительно, противник, отброшенный в Засанье, вел яростный артиллерийский обстрел города, то и дело предпринимая новые атаки. Пограничники, укрепившиеся на берегу Сана, отбивали бесчисленные попытки врага переправиться в Старый город. Тогда гитлеровцы изменили тактику и внезапно ночью открыли сосредоточенный прицельный огонь по подвалам домов на набережной, где, используя ночные часы тишины, отдыхали чекисты. Приходилось под страшным обстрелом, не оставляя никого в резерве, всем составом пограничной роты выбегать из укрытий и занимать места в прибрежных окопах.

«Такие ночи,— писал мне бывший политрук пограничной роты Потарыкина Виктор Королев, проживающий теперь в городе Бологое,— стоили нескольких месяцев, а быть может, и нескольких лет жизни. В окопах рядом с живыми пограничниками лежали уже мертвые, сжимая оружие в своих холодеющих руках. Подобное напряжение могли выдержать только люди, для которых любовь к Родине была превыше всего...»

Однако, призывая бойцов держаться до последнего, командиры беспримерной обороны не могли не обратить внимания на то, что немцы обстреливали далеко не все дома Перемышля, а лишь те, где укрывались советские пограничники.

Политрук Королев посоветовался с лейтенантом Потарыкиным, и они решили проверить горожан, живущих вблизи советских огневых точек и укрытий. В городском жилищном управлении был сторож, русский, на первый взгляд весьма добродушный старик. Было ему за шестьдесят. Как выяснилось позже, он служил в белой армии и в Перемышль бежал от Советской власти.

Пограничники заметили, что примерно около одиннадцати часов вечера сторож вылезал на крышу дома и сигнализировал что-то по азбуке Морзе фонариком на противоположный вражеский берег. Королев решил проверить это донесение лично.

После 22.00 политрук Королев вместе со старшим сержантом Федоровым вылезли на крышу. Оба они спрятались за трубой. Ждать пришлось недолго. Из слухового окна на крышу вылез их сторож и, откашляваясь, стал сигнализировать гитлеровцам. Оттуда замигал ответный огонек — новое задание старому шпиону. Получив его, сторож быстро спустился на землю.

Едва Потарыкин успел перебросить своих людей в новые укрытия, как гитлеровские артиллеристы стали обстреливать старые позиции пограничников. Все сразу стало ясно. Шпиона допросили. Он во всем сознался и был расстрелян.

На следующий день, ближе к одиннадцати вечера, политрук Королев, взяв с собой сержанта Морозова, который хорошо владел азбукой Морзе, появился на крыше.

В условленное время Морозов передал на немецкую сторону ложный доклад азбукой Морзе.

С балкона дома, что стоял на противоположном берегу Сана, два немецких офицера стали передавать «сторожу» очередное приказание. Пока Морозов сигнализировал прием, Виктор Королев, приспособив на трубе ручной пулемет, послал на балкон несколько очередей.

На рассвете Королев увидел в бинокль, что шефы сторожа все еще валяются на балконе.

Потеряв надежного агента, гитлеровцы решили заслать в Перемышль сменщика — на этот раз женщину. Ее задержали у самого Сана. И резиновую лодку даже не успела она оттолкнуть обратно.

Хорошо одетая миловидная женщина лет тридцати горько плакала, уверяя, что бежит от немцев, которые замучили ее мужа. Ее обыскали и обнаружили в медальончике с изображением ченстоховской божьей матери шифр на папиросной бумажке. Как только из раскрытого медальона выпала бумажка с шифром, шпионка переменяла тактику. Она призналась, что ее послал абвер. Держалась она вызывающе. Пыталась обмануть пограничников, говоря, что немцы, мол, уже захватили Львов. Пугала, что, если хоть один волос упадет с ее головы, немецкое командование жестоко отомстит за нее.

Тарасенков посадил шпионку в машину и под конвоем повез ее в Добромиль.

Километрах в пятидесяти от Перемышля машину остановил боец в зеленой фуражке. Неподалеку от этого часового располагался объединенный штаб войсковых и пограничных частей. Тарасенков разыскал майора Тарутина и доложил ему:

— Вот поймали шпионку. А государственную границу держим на старой линии, как и до войны. Боевая задача выполнена...

— Мы это знаем,— сказал Тарутин,— я только что был в Нижанковичах...

После короткого совещания с армейскими командирами начальник отряда майор Тарутин передал новый приказ. Смысл его заключался в том, чтобы силами пограничников и артиллерийских батарей любыми способами разрушить железнодорожный мост через Сан. Пожимая на прощание руку Тарасенкова, майор Тарутин сказал:

— Очень, очень добрый знак, что мы снова овладели Перемышлем! Эта победа имеет огромное моральное значение для всей страны.

Держите город! Передайте Паливоде, что завтра же вышлю подкрепление...

Не зажигая фар, машина понеслась обратно в осажденный город.

Поздно ночью подъезжали они к типографии. Тарасенков отыскал Паливоду и передал ему приказ начальника отряда.

— Любыми способами, говоришь? — медленно протянул Паливода, осунувшийся и постаревший за последние дни.— Ну что же. Раз надо, то моста не будет...

Из Перемышля на связь, в штаб механизированных частей, что до войны располагались в Дрогобыче, на попутной машине примчался офицер-чекист Николай Крюков. Он был так воодушевлен победой, достигнутой в смелом контрударе, что, увидев на станции эшелон с эвакуируемыми, закричал:

— Да куда вы уезжаете? С ума сошли! Перемышль взят, наши части уже под Варшавой. Давайте разгружайтесь...

Еще утром 25 июня из радиорупоров, висевших на улицах и площадях Перемышля, население и защитники города услышали голос далекой Москвы о первой победе на Сане:

«Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем».

Однако эта радостная весть омрачилась другими сообщениями Советского информбюро о попытках противника прорваться на Бродовском и Львовском направлениях. Было понятно, почему майор Тарутин решил теперь пожертвовать мостом.

Около полудня на середину моста загнали груженную толлом железнодорожную платформу, и взрыв страшной силы, от которого сразу полетели все стекла в окнах Старого города, разрушил центральный пролет моста. Спустя некоторое время наши батареи, расположенные в селе Бакончицы, несколькими прямыми попаданиями снарядов разбили и остальные фермы моста. Он рухнул в реку.

До поздней осени 1941 года немцы не могли восстановить мост. Именно поэтому было прервано движение поездов по очень важной для противника магистрали Краков — Львов. Немцам пришлось пускать поезда кружным путем.

Вечером 27 июня в сводке Советского информбюро защитники Перемышля снова услышали высокую оценку своей боевой работы:

«На всем участке фронта от Перемышля и до Черного моря наши войска прочно удерживают госграницу...»

Но в том же сообщении страна слышала вести, которые настораживали всех патриотов: «На Луцком и Львовском направлениях день 27 июня прошел в упорных и напряженных боях. Противник на этих направлениях ввел в бой крупные танковые соединения в стремлении прорваться через наше расположение, но действиями наших войск все попытки противника прорваться были пресечены с большими для него потерями».

Попытки врага ускорить течение молниеносной войны против Советского Союза не прекращались. Уже на следующий день в боях под Луцком завязалось одно из крупнейших танковых сражений, в котором с обеих сторон приняло участие до двух тысяч танков...

Главному командованию Красной Армии была очень дорога жизнь бойцов и командиров сводного отряда Паливоды, который так смело, лихим контрударом отобрал у противника первый из захваченных гитлеровцами городов. Обстановка же складывалась так, что защитники Перемышля могли оказаться в окружении.

Вот почему поздно вечером 28 июня 1941 года по приказу командования, а не под натиском врага сводный батальон старшего лейтенанта Паливоды, в течение пяти дней оборонявший Перемышль, начал с боями отходить на новые позиции. Пограничники и армейцы, приданные Паливоде, спешили соединиться с ядром 92-го пограничного отряда, с бойцами стрелковой дивизии и артиллеристами. И кадровые пограничники и закалившиеся за время беспримерной обороны молодые бойцы покидали пылающую границу не побежденные врагом и, стиснув зубы, шли на восток.

Только безымянный гарнизон дота, к которому уже нельзя было обратиться, продолжал вести огонь по немецкому берегу.

Была темная ночь. Густой, теплый туман полз от Сана. Шли форсированным маршем. Привалы были сокращены. Когда голова колонны бесшумно останавливалась, задние бойцы набегали на передних, тыкались в спины товарищей и просыпались. Ведь перед этим бойцы не спали несколько ночей! На коротких привалах не искали удобного сухого места. Падали там, где заставляла команда, и сразу засыпали на обочине дороги коротким военным сном.

Это была настоящая солдатская роскошь. Только командиры не могли себе ее позволить. Они должны были дежурить, смотреть на часы, до боли в глазах вглядываясь в тревожную ночную темноту.

За сутки сводный отряд сделал марш-бросок на девяносто киломеров и соединился с остатками других пограничных застав.

В лесной тишине были подведены итоги исторических боев за Перемышль. За пять дней сводный отряд Паливоды истребил свыше пятисот гитлеровских солдат и офицеров. Потери противника ранеными и пленными составили около семисот человек. К тому же, ведя арьергардные уличные бои, пограничники нанесли немало других потерь наседавшим гитлеровцам.

Еще на самых первых рубежах войны участники контрудара в Перемышле были удостоены правительственных наград. Командир отделения Одинок и солдат Пыпко уходили из Перемышля кавалерами ордена Боевого Красного Знамени, секретарь комсомольской организации городской комендатуры, заместитель политрука Булыгин был награжден медалью «За отвагу», майор Тарутин стал подполковником.

Героически сражались защитники Перемышля и под Любеном Великим, обороняли соседний аэродром, грудью прикрывали подступы к Львову. Они не только обеспечивали отход артиллерийских частей, но и храбро шли в контратаки. В очень трудных арьергардных боях под Любеном Великим смертью героя погиб начальник сводного отряда старший лейтенант Паливода и был тяжело ранен подполковник Тарутин, убитый впоследствии в бою с гитлеровцами в селе Роги близ Умани.

...Уходя из Любена Великого на восток, радисты батальона поймали к вечеру 30 июня какую-то львовскую радиостанцию. Из военной радиации в лесной тишине послышался скрипучий, неприятный голос:

«Говорить Львів! Говорить Львів! Тут станція імені Євгена Коновальця. Зараз перед мікрофоном виступить фюрер українських націоналістів Степан Бандера...»

И когда из репродуктора донесся надтреснутый голос предателя украинского народа, прославлявшего «победы союзного немецкого оружия», кто-то из пограничников-украинцев не выдержал и бросил:

— От сука! Вже нашли собі якогось нового Мазепу!..

Немеркнувшей военной славой покрыли себя в боях на холмах Перемышля советские пограничники. Сияние этой славы не погасло и в наши дни, хотя неизвестными остаются не только имена, но и дальнейшие судьбы многих и многих участников исторического контрудара.

Весной 1945 года, задержавшись в Перемышле на несколько часов, я услышал от жителей рассказ о советском пограничнике, который оставался там во время оккупации.

Когда шли последние бои на Сане, гитлеровским снарядом ему оторвало обе ноги. Товарищи считали его погибшим. Но какая-то сердобольная старушка выходила тяжело раненного бойца. Когда раны его зажили, она купила для него тележку на игрушечных колесиках и сапожный инструмент. Бывший пограничник поселился у старушки в подвале и в одном из его уголков при тусклом свете чинил обувь. Звали его за глаза «отой безногий швец». Даже гестапо не интересовалось фамилией этого инвалида. Не обращали на него внимания и полицаи, когда он изредка выбирался из своей берлоги и ехал к набережной на громыхающей тележке.

Июльской ночью 1944 года на железнодорожном мосту через Сан опять прогрехотал взрыв. В ту же ночь из подвала старушки навсегда исчез ее безногий постоялец.

Утром, когда окончился полицейский час, среди местных жителей стали распространяться слухи о причине взрыва. Его связывали с загадочным исчезновением «отого безногого швеца».

Говорили, что якобы именно он, забрав на свою тележку несколько кусков тола с взрывателем, появился внезапно на железнодорожном мосту. Он подорвал заряд, себя заодно с ним и повредил пролет моста...

А летом 1945 года переселенцы из Перемышля, отошедшего к Польской Народной Республике, также рассказывали мне во Львове о появлении в их городе Богумила Капки, того самого чеха, который был обязан своей жизнью советским артиллеристам и пограничникам.

Его видели на улицах Перемышля осенью 1944 года, когда Советская Армия, выходя на Привислинский плацдарм, в третий раз освободила Перемышль.

Был Капка в форме поручика чехословацкой бригады полковника Свободы, такой же возбужденный и веселый, как и раньше, но только окрепший, загорелый, уверенный в себе и с бородой. И хотя его левая рука была на перевязи, он не унывал.

— Только когда дойдем до Праги, сбрую бороду,— шутил Капка.

Его определили на постой в знакомую ему семью новые молодые пограничники, те, что вошли за регулярными армейскими частями в старинный город. Хотя среди них было большинство бойцов из новых пополнений, Капка в каждом из советских воинов видел тех самых старых друзей, что помогли ему бежать из тюрьмы гестапо в июне 1941 года. Он целовал их, благодарил, обнимал.

А позже, когда части Советской Армии, перевалив через Карпаты, стали освобождать один за другим города Чехословакии, Богумил Капка вместе со своими друзьями не раз будил посреди ночи жителей Перемышля. Услышит в сводке Советского информбюро знакомые ему названия словацких и чешских городов, бежит опрометью на колокольню кафедрального костела и давай бить в колокола.

Пограничники, польские общественные деятели, уже принимавшие в свои руки от военного командования освобожденный город, пробовали его утихомирить, но Богумил Капка не унимался.

— Пшияти! — говорил он на странной смеси трех славянских языков. — Таке бывае оден раз в жизни. Почему не можно дзвонить? В честь какого-нибудь святого можно, а по поводу освобождения Кошице не вольно? Чепуха! Ведь это великий праздник всех славян, что Кошице взяли, что Мартин освобожден...

И в ночном колокольном звоне, что разносился над холмами тысячелетнего города, слышался радостный отзвук того самого исторического контрудара, каким навсегда прославили себя простые и скромные советские бойцы в зеленых фуражках, верные защитники священных рубежей своей свободной Родины...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вишневая аллея	3
Зарево над Перемышлем	29

Владимир Павлович БЕЛЯЕВ

ВИШНЕВАЯ АЛЛЕЯ

Редактор **Е. Ф. Олейник**.

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**.

Сдано в набор 23.08.85. Подписано к печати 25.10.85. А 00414.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,16. Усл. кр-
отт. 2,28. Тираж 85 000. Изд. № 2891. Зак. № 1427.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

● В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

● Стоимость билета 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

● Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

● По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

● Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

● Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной лотереи